

Соня Василевская

Женский любовный роман "Русская душа"

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Соня Василевская
Женский любовный
роман «Русская душа»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51393333

SelfPub; 2020

Аннотация

Русская девушка Ильмира Белевич выходит замуж за мусульманина и уезжает в Дагестан. Будучи мусульманкой, она решается на измену мужу и рискует жизнью. На этом этапе возникает главный конфликт романа – религии и супружеской неверности. Как поступит мусульманин муж и что ждёт саму Ильмиру? Роман повествует о женщине, которая всегда остаётся русская душой. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

91

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Нежный возраст

Ильмира... Этим несколько необычным для белорусской девушки именем она была названа в честь акушерки, которая помогла ей появиться на свет. Ильмира Рамазановна, татарка по происхождению, буквально вернула с того света новорожденную девочку, у которой пуповина обмоталась вокруг крошечной шейки, отчего младенец был весь синий и практически не подавал признаков жизни. «Я перед вами всю жизнь буду теперь в неоплатном долгу», – со слезами на глазах сказала новоявленная мамаша, принимая на руки уже бодрую дочурку. А поскольку она совершенно не имела понятия, как ей назвать дочку, то и остановилась на имени той, кто дал младенцу второе рождение. Ничего не ответила Ильмира Рамазановна на это, лишь улыбнулась скромно, а про себя подумала: «Еще погоди благодарить меня: сначала посмотрим, что из нее вырастет»... данных на Ильмиру заглядывались ребята, но гордая девочка не замечала их

А выросла из нее, русской Ильмиры, полная красавица с модельной внешностью: рост выше среднего, длинные русые волосы, ясные глаза, смешная улыбка. Фигура завидная: стройные ноги, тонкая талия и развитая, удачная грудь – для ее возраста даже слишком хорошая. Конечно, при таких внешних внимания – не от высокомерия, а потому, что даль-

ше косых взглядов дело не шло. А ей хотелось быть уверенной, что на нее смотрят искреннее, с намерением действительно познакомиться и завязать отношения. Поэтому в свои пятнадцать Ильмира жила достаточно одиноко: кроме родителей, она не имела ни молодого человека, ни даже подруги, с которой можно было бы просто говорить, делиться наболевшим и сокровенными девичьими секретами – сверстницы завидовали Ильмире и демонстративно ее игнорировали. Дома стоял телефон, но ей никто никогда не звонил, никому не звонила и она – разве что по каким-нибудь школьным вопросам. В школе же она ходила в изгоях, которых никто не замечает: девчонки не дружили с ней опять-таки из зависти и злобы на нее, красивую, а мальчишки за то, что Ильмира к ним равнодушна. Поэтому после школы, когда многие ее ровесницы бежали на свидания по местным дискотекам или же собирались группами для уличных прогулок, она два раза в неделю спешила в модельную студию, которую начала посещать с начала с нового учебного года. Моделью быть она вообще-то не хотела, просто от нечего делать Ильмира решила поучаствовать в кастинге моделей и сразу же прошла его жесткий отбор. Однако на диету не села и фигуру не берегла, потому что не дорожила местом модели и не боялась его потерять, а посещение студии вносило приятное разнообразие в ее жизнь. При этом она прилежно ходила на примерки и смело дефилировала по подиуму, а фигура ее всегда оставалась стройной и не шаталась.

Правда, в среде одноклассниц была у Ильмиры добрая подруга, общение с которой редко когда выходило за пределы школы. Звали ее Настя Тенешева. Однажды англичанка дала их классу домашнее задание: отрепетировать на английском языке театральную сценку, приведенную на странице учебника. Сценка состояла из диалогов, поэтому для ее подготовки требовалось по меньшей мере два человека. Ильмира и договорилась с Настей, Настя пригласила ее к себе домой. Ильмира пришла в пять вечера, и только к восьми часам девочки закончили репетицию.

– Я тебя провожу, – сказала Настя, когда Ильмира собралась уходить.

– Да не стоит, я сама...

– А мне не трудно. Тем более у меня первый этаж...

Вместе с Ильмирой Настя вышла на улицу. Они стали возле крыльца.

– Ильмир, ты на Светку не обижайся... Это она по злобе сделала... Ты же знаешь наших баб: они все тебе завидуют. Все, как одна! Потому что ты красивая, а они...

– Да я привыкла, Насть, не думай!

– Все равно обидно: почему они тебя постоянно травят? Может быть, тебе в другой класс перейти?

– А в другом классе будет лучше? Нет, Настя, мне везде будет одинаково. Мне не поможет ни другой класс, ни другая школа. Да черт с ними со всеми, я их не боюсь! Я на них не обращаю внимания. Перебесятся. В конце концов, не убьют

же они меня и не съедят.

– Вот наш сосед кавказский идет... – сказала Настя, глядя прямо. – Здравствуйте! – поздоровалась она, когда молодой человек поравнялся с ней.

– Здравсьте! – коротко ответил тот на плохом русском и скрылся в подъезде.

– Кто это? – заинтересовалась Ильмира. – Твой сосед?

– Да, на третьем этаже живет. Только в последнее время что-то один, а были еще родители. Где-то он, наверно, работает, потому что каждый день возвращается в одно и то же время – около восьми. Они очень вежливые люди, всегда со всеми здороваются.

– Давно они здесь живут?

– Около года уже. Точно знаю, что они снимают жилье.

– Как его зовут, не знаешь?

– Не знаю. Не слышала.

– Можешь познакомить?

Настя будто испугалась такого вопроса:

– Что ты, конечно нет. Я его практически не знаю, не разговариваю с ним никогда, понятия не имею, с какой стороны к нему подойти и как у них, у чурок, вообще принято знакомиться...

В семье кавказцев было три человека. Этакая необычная малочисленная семья южного народа. Поговаривали, что они были беженцами с Северного Кавказа, но никто не знал, к какому народу они принадлежали. Они недавно появились

в этом белорусском городе, потому, вероятно, соседи с ними подружиться пока не успели. Они были тихими людьми, никогда не скандалили между собой, никогда их мужчин не видели пьяными. Впрочем, некоторые особенности их поведения были обусловлены не излишней воспитанностью и аккуратностью, а религиозными соображениями – семья была очень верующей. Были эти кавказцы на редкость вежливыми, приветливыми, никто из них не позволял себе пройти мимо соседа, не поздоровавшись. И им всегда отвечали, но заводить разговор как-то боялись.

Настин сосед запал Ильмире в душу, привлек ее своей экзотической внешностью. За всю жизнь живых представителей Кавказа она видела только в телевизоре, а увидев впервые живьем, влюбилась, как ей показалось, с первого взгляда. Ильмира решила познакомиться с кавказцем поближе. А тут как раз англичанка сказала, что недовольна домашней репетицией Насти с Ильмирой и может поставить им только тройки, а если девочки хотят оценку повыше, могут задание переделать. Девчонки согласились, и снова собрались у Насти для репетиции. Но теперь Ильмира нарочно справлялась к восьми часам, чтобы снова пересечься с Настиным соседом. Ей хотелось видеть его опять. И ей это удавалось. Потом она стала караулить мужчину возле подъезда, не попадаясь, однако, ему на глаза. То она за кустом пряталась, то за стенкой, то за деревом. Такие приемы давали ей возможность лучше разглядеть предмет своего обожания. И каждый

раз Ильмира убеждалась, что не ошиблась в своих чувствах.

Мама перестала узнавать Ильмиру: та как никогда часто стала бывать у Тенешевой, попросила вдруг купить себе косметику, хорошие наряды, чего раньше за ней не замечалось. Под предлогом того, что уходит к Насте, Ильмира на самом деле просто искала лишний повод увидеться с красивым кавказцем. За пятнадцать лет жизни Ильмира успела заметить, что кавказские женщины почти никогда не красят лицо и всегда одевают длинные платья и в таком виде нравятся своим мужчинам, однако, чтобы завоевать кавказского мужчину, она в первую очередь должна как-то отличаться от их женщин и выделяться из них не одним только славянским лицом.

На второй месяц своей прятки Ильмира, наконец, прекратила конспирацию и показалась кавказцу на глаза. К этому времени она уже хорошо продумала предлог, под которым и начала разговор, неожиданно возникнув у парня на пути с блокнотом и ручкой.

– Добрый вечер, – поздоровалась для начала Ильмира. – Простите, пожалуйста, я всего лишь школьница, учусь в девятом классе, но собираюсь стать журналисткой, поэтому сейчас являюсь внештатным сотрудником местной газеты, отвечаю за молодежную страничку. Как будущему журналисту, мне поручено взять у вас интервью.

– У меня? А что я могу вам рассказать? – сильно удивился кавказец своим красивым акцентом.

– Все – о себе. Очередная тема моего выпуска будет посвящена национальным меньшинствам, и в ближайшее номере газеты я предложу обсудить эту тему нашим читателям. А для самой темы мне нужен человек, живущий в нашем городе, но имеющий другую национальность. Вы не обидитесь, если станете моим героем дня?

Кавказец сразу понял, что девчонка врет: ни в какой газете она не работает, вопросы формулирует некорректно, даже не тактично, удостоверения журналистки наверняка не имеет, и одета не соответственно: одежда смело подчеркивала все самые выгодные стороны ее внешности, а яркий макияж обращал внимание на красивые глаза. Нет, это не журналистка, заинтересованная получить лишь сведения, – эта малолетняя профурсетка настроена была, похоже, заполучить его самого. Стройная и красивая, в трикотажной майке из яркой однотонной ткани, особенно выдававшей ее хорошие формы, она расставляла охотничьи силки мужчине, который был в два раза ее старше и в некоторых случаях вызывал определенное недоверие. А он слушал ее сумбурный монолог с неподдельным интересом, разглядывал с ног до головы и попутно изучал: черты ее лица, волосы, фигуру, движения. Кажется, мнимая журналистка ему приглянулась. Улыбнувшись, он пригласил ее пройти в подъезд.

- Пойдемте... – кавказец кивнул на дверь подъезда.
- Куда? – опасливо спросила Ильмира.
- Ко мне домой.

– Нет, домой я не пойду, – Ильмира отступила.

– Вам удобно беседовать на улице? Но рассказ ожидается долгим... Да пойдете! – бодро приглашал кавказец. Говорил он на русском с приличным акцентом. – Идемте, не бойтесь!

– Я вас боюсь, – призналась Ильмира. – По вашему лицу видно, что вы приехали из того края, где девушек обижать нельзя – они не доступные.

– А вы – доступная? – с живым интересом спросил кавказец.

– Простите, но не обо мне разговор... – грубовато ответила Ильмира. – Я не люблю говорить на эту тему.

– Хорошо, тогда давайте так: я отвечу на ваши вопросы, а вы – на несколько моих, договорились?

– Договорились! Но домой я к вам не пойду: уже темнеет.

– Тогда давайте в другой раз поговорим, когда вам будет нужно, – предлагал компромисс кавказец. – Но имейте в виду, что я каждый день занят и раньше, чем в восемь вечера, у меня не получится уделить вам время. А скоро я поеду на родину...

– Черт с вами, уговорили, – сдалась Ильмира. – Но пообещайте мне, что во все время нашего разговора форточка на улицу будет открыта.

– Зачем?

– На всякий случай. Если вы начнете ко мне приставать – я закричу, так чтобы все слышали.

– Не вопрос.

Ильмира шагнула в подъезд и пошла следом за своим собеседником.

– У меня в этой квартире подружка живет, – указала Ильмира на дверь первого этажа. – Можно она под дверью стоит – для страховки?

– Можно...

Ильмира позвонила Насте, и все втроем они поднялись на третий этаж пешком. Настя, как и было условлено, осталась ожидать под дверями.

Кавказец пропустил Ильмиру в квартиру впереди себя, предложил пройти на кухню.

– Я иду с работы и как раз собирался ужинать, – пояснил он. – Не составите мне компанию?

– Я не голодная.

– Ну, как хотите. Тогда, может, кофе будете с конфетами? Или что вам еще предложить?

– Кофе меня вполне устроит, спасибо. Но вы позволите, я начну разговор?

– Да, конечно. Начинайте, пожалуйста.

– Спасибо. Для начала скажите, как вас зовут?

– Рахмедов Ахмет Шамилевич.

– А меня зовут Ильмира! Так, на всякий случай...

– Ильмира? – Ахмет удивился. – Как странно... Вы ведь сама русская, так же?

– У меня об этом часто спрашивают. Да, я русская, а мо-

ему необычному имени есть свое оправдание.

– Расскажите?

– Ладно, уговорили. Но только потом, после вас.

Ахмет расставил чашки, налил кофе из турки. Ильмира осмотрелась, прислушалась.

– Вы один живете?

– Пока – да, но это временно. Просто мои родители сейчас уехали на родину. А вы, кстати, своим позвонить не хотите? Ваши родители знают, где вы?

– Знают.

– Им известно, что вы у меня дома?

– Вы предлагаете мне им это рассказать? Зачем?

– Не знаю. Просто потому, что родители должны знать о вас все. Родителей надо уважать.

– Не беспокойтесь: все, что им надо знать, они знают. А где ваша родина?

– В Дагестане.

Ахмет Рахмедов и его родители были беженцами в силу политических обстоятельств на Северном Кавказе. Сама семья – уроженцы Дагестана, жили в селении под Дербентом и принадлежали к народности лезгинов – или лезги, как они сами себя называют. Современные лезгины имеют, как правило, не большие семьи, но в некоторых селениях можно встретить семьи, количество человек в которых доходит и до двадцати. Такой была семья Рахмедовых на родине, а здесь, в Беларуси, их семья состояла всего из трех человек:

Ахмет – единственный сын у своих родителей, других детей его мать, Рамина Салмановна, по состоянию здоровья родить не смогла. Рамина Салмановна – единственная жена у своего мужа Шамиля Казбековича: по семейному российскому закону многоженство в России не разрешено. Шамиль Казбекович – отец Ахмета, почтенный старец, входил в число семейных старейшин, поэтому был ревностным блюстителем как самого ислама, так и исламской морали, что сказалось на воспитании Ахмета. Ахмет вырос в патриархальной семье, в которой сильны были феодальные исламские порядки. С молоком матери он впитал свойственную большинству мусульман религиозность, к десяти годам познакомился с Кораном и усвоил основные исламские догматы. Теперь такой интересный человек поселился в православной стране, где была совершенно другая культура, были другие принципы воспитания и свободная мораль. К морали Ахмету особенно трудно было привыкнуть. Голая грудь, короткие юбки и красивые ноги, конечно, радовали его, но вызывали шок и недоумение. С детства он видел совсем другое, прямо противоположное всей этой красоте, а здесь чувствовал себя инопланетянином. Внешне Ахмет был красивый молодой человек, стройный и высокий. Годами лет под тридцать, строгий, всегда ухоженный, опрятный он невольно обращал на себя внимание многих людей. И надо же было такому случиться, чтобы в тот день, когда Ильмира пришла к Насе в гости, они втроем столкнулись на крыльце.

– А кто вы по национальности?

– Лезгины. Есть такой дагестанский народ, один из многочисленных.

– Вы давно в Беларуси живете?

– Десять месяцев.

– Почему именно нашу страну выбрали?

– Наслышаны с хорошей стороны. Мы уехали из Дагестана, потому что там беспокойный регион. Там рядом Чечня, а у вас спокойная страна, здесь можно мирно жить и никого не трогать. Мне у вас очень нравится.

– Почему вы приехали именно в наш город, в провинцию? Почему не в Минск, например?

– Я в столице жить не хочу, я не люблю большие города.

– А лет вам сколько?

– Скоро тридцать два.

– И до сих пор семью не создали?

– Кавказец создает семью только тогда, когда будет к этому готов. Если он не имеет средств на содержание своей семьи или не стоит самостоятельно на ногах, он не имеет права жениться вообще.

– А чем вы здесь занимаетесь?

– Я хочу открыть свое дело и нашел себе место, с которого можно начать. Я работаю учеником директора транспортного учреждения – вот такая необычная должность. Здесь и сейчас я зарабатываю стартовый капитал, а разворачиваться буду на родине.

– Думаете отсюда уехать?

– Да, но не сейчас. Есть перспектива вернуться в Дагестан.

– Расскажите мне о вашем народе. Ваши обычаи, традиции..

– Милая моя, чтобы рассказать об этом, – жизни не хватит! Если устроит, могу только коротко.

– Хорошо, тогда я буду вам задавать вопросы, а вы – по порядку на них отвечать, идет? У вас есть гарем, калым, кровная месть, похищение невесты? У вас носят паранджу?

– Гаремом называется женская половина дома – есть. Правильный же гарем, или гарем в оригинале, сегодня себе может позволить только восточный шейх или султан.

– Как понять «правильный»?

– В гарем имеет право входить только хозяин, а женщины гарема соблюдают обязательное затворничество. У нас все не так, а гаремом называется часть дома, где живут женщины с детьми, а живут они у нас отдельно от мужчин, только и всего. Калым и похищение невесты ушли в прошлое – эти обряды полностью изжили себя и сегодня приравнены к преступлению. Но за вас я бы калым дал... – загадочно сказал Ахмет.

– За что такая честь?

– Вы этого стоите. Такую девушку нельзя купить просто так.

– Спасибо, конечно, но меня нельзя купить никак.

– Кстати, вы мне так и не ответили: вы – доступная?

– А какое вам дело? – обиженная Ильмира ответила грубо.

– Мне просто интересно. Я лично убедился, что здешние девушки доступные, да оно и видно: все тела открыты, косметика на лице...

– Что же здесь плохого? – Ильмира не переставала удивляться.

– К вам это не относится: я понял, что вы не доступны – для доступной девушки вы очень осторожны. Однако вы не целомудренны...

– С чего вы это взяли?

– Грудь надо закрывать, – кивнул ей Ахмет.

Ильмира посмотрела на себя: на ней была легенькая майка, не требующая ношения лифчика, но Ильмире было трудно обходиться без него, поэтому из-под майки выглядывали шлейки дамского атрибута, а грудные выступы были плотно опоясаны специальными выемками на майке.

– Так у меня же все закрыто, – не поняла Ильмира. – У меня ничего не видно.

– У вас? У вас все слишком откровенно! Вы, кстати, и накрашены еще. Вот, а говорите – целомудренны! – упрекнул Ахмет.

– Ах, вот оно что! Понятно, – дошло, наконец, до Ильмиры. – У нас с вами разные понятия о женской доступности и целомудрии!

– Абсолютно! Но, должен признать, что грудь у вас хорошая. Вам эта маечка, случайно, не тесна?

– А вы что, снять ее задумали? – Ильмира смутилась и Ахмет это заметил.

– Вот, а вы еще спрашиваете, зачем прятать!

Он отлучился на пять секунд и принес Ильмире покрывало.

– Укутайтесь.

– Зачем?

– Чтобы не демонстрировать передо мной вашу гордость. Спрячьте белье.

Ильмира набросила покрывало на плечи, запахнулась.

– Вы спрашивали про паранджу, хиджаб или чадру? Нет, у нас такого не носят, но тело женщины всегда закрыто. Только длинные юбки и никаких вырезов на платьях.

– А кровная месть у вас как?

– От кровной мести лезгины тоже давно отказались, но именно в нашем селе она есть. Думаю, вы не поймете ее назначения. Но знайте, что никогда кавказец не убьет человека напрасно.

– Как у вас с вредными привычками?

– У меня именно или вообще?

– Вообще. И у вас тоже. Вы, как я поняла, не курите. А как насчет выпить?

– Нам позволительно немного вина. Коран, конечно, вино запрещает, но есть праздники – например, Курбан-байрам, когда разрешается выпить. На Кавказе пьют из рога, потому что рог – символ изобилия. Первый рог поднимается всегда

за родителей – это неизменная традиция, закон. За родителей пьют стоя. И сын никогда не будет пить в присутствии отца – у нас это считается большим родительским оскорблением. Женщинам выпивать вовсе нельзя, даже чуть-чуть шампанского. А еще лезгинка не должна сидеть с мужчиной за одним столом и вообще она не должна сидеть в его присутствии. Но в нашей семье этот порядок не соблюдается.

– А вы-то сам как? Употребляете?

– Не больше, чем мне позволено.

– Это правда, что у вас замуж рано выходят?

– Тоже нет. Самый ранний возраст для невесты – после окончания средней школы, раньше – уже противозаконно. Хотя невестами у нас становятся тогда, когда у девочки начинаются женские дела. Этот факт бывает обычно публичным, передается гласности. Это ни на что не влияет, просто в нашем селе такой обычай. Обычай довольно странный, сохранившийся мало где. Так было когда-то очень давно, еще в позапрошлом веке, но в нашем ауле обычай жив до сих пор, хотя носит формальный характер. Его истоки уходят к глубокой старине, когда образование для женщины было не обязательным, тогда девочек можно было отдавать замуж с началом «критических дней», а фактически – детьми. Сегодня ранние браки на Кавказе запрещены. Девочка сегодня обязательно оканчивает школу, а потом – как случится. Она может даже продолжить обучение и работать, но обычно в этом не возникает необходимости: жен содержат мужья.

Ильмира поежилась: ей непривычно было слышать такие вещи от чужого мужчины, приехавшего чуть ли не с другой земли; неожиданно и неудобно.

– Девушка обязательно должна выйти замуж за человека, который ее посватал, или она может отказаться?

– Может, но только ее мнение должны разделять родители. Бывает и так, что девушке нравится другой мужчина – в таком случае ее могут отдать и за того.

– Но вы с невестами не встречаетесь?

– Такого понятия у нас нет. К невесте однажды приходит родня жениха (все мужчины) и сообщают, что ее желают взять замуж. Часто ее сватают заочно, когда она жениха в глаза не видит. Желает ли сама невеста пойти замуж за того человека, никого не волнует. Я хочу, однако, добавить, что у каждого народа свои традиции, и то, что принято у лезгин или, скажем, у аварцев – у даргинцев, например, или у табасаранцев как раз наоборот, а то, что принято у них, того нет у нас.

– У вас все решают мужики. А имеет ли ваша женщина вообще на что-нибудь право?

– Имеет. Но право женщины перед правом мужчины подавляется, всегда уступает праву мужчины, женский голос имеет меньшее значение, чем мужской.

– У меня к вам больше нет вопросов. Мне осталось только извиниться за проявленное сначала недоверие. – Ильмира встала, чтобы идти. Сняла покрывало, вернула хозяину. –

Благодарю.

– Вам позволительно не доверять. У вас есть причины быть острожной – такая девушка! Вы можете свести с ума.

Ильмира была в шортах, что позволяло Ахмету рассмотреть ее ноги и изучить всю фигуру сверху вниз. Он изучал и пускал слюни: девица перед ним стояла видная, фигуристая и аппетитная. Так бы вот сейчас набросился на нее и покусал-покусал... Терзал бы это юное тело жадно и с упоением, долго и беспощадно. Но не таков был Ахмет. Не мог он позволить себе распустить руки и овладеть силой; и не в том дело, что за это полагалась определенная ответственность, а просто потому, что был так воспитан. С трудом подавил он в себе возникшее было желание... А чтобы не впасть в грех с этой сексапильной школьницей, поторопился ее выпроводить.

– Оставьте ваш телефон, – попросил на прощание.

– Зачем? – обрадовалась она, но виду не подавала.

– На всякий случай: вдруг я захочу справиться о своем интервью, узнать, где оно напечатано, в какой газете почитать? Хотя, вообще-то, я газет не читаю...

Ильмира вышла за дверь – Настя преданно ждала ее на площадке.

– Всего доброго, – сказал ей кавказец на прощание.

– Спокойной ночи. Извините еще раз, что я так напористо... Спасибо вам большое.

– Мне было приятно провести с вами время. Я не жалею,

что уделил вам внимание.

Ему оставалось только сказать «Заходите еще», но Ахмет почему-то этого не сказал. Дверь за ним закрылась. Ильмира стояла вся красная от волнения и несколько минут еще приходила в себя.

– Ничего себе! – восклицала пораженная Настя. – Как тебе это удалось?

– Сама не знаю... Божечки ты мой, Настя, что я наделала?

– Слушай, он тебя глазами просто пожирал... Он, часом, не голодный был?

– Да, было дело. Я сама видела, что он готов был меня съесть... По-моему, он заглотил наживку...

Может, и заглотил. Но после этого разговора Ильмира больше не видела Ахмета. Настя тоже сказала, что его не видно. Лишь через полтора месяца Ильмира неожиданно услышала знакомый акцент в своем телефоне.

– Я интересуюсь, где я могу увидеть свое интервью? Помните, вы мне обещали, что напишете про меня в газете... Хотелось бы почитать...

Теперь Ильмире было все равно: она полностью удовлетворила свое желание и свой интерес. Ни о каком продолжении она не помышляла, да и вообще Ахмет был ей не нужен. Кто он такой? Чужеземец на ее территории, обыкновенный чурка. Ильмира никогда не была расисткой, но сейчас ей захотелось почему-то обидеть кавказца – может быть для того, чтобы он отстал.

– Интервью никакого не будет, – честно призналась она, сохраняя непоколебимое равнодушие к его ответу. – Я вам все наврала, я все придумала: я никакая не журналистка, а школьница. Я просто хотела поближе с вами познакомиться: я никогда не видела таких людей, как вы. Так что извините, это был спортивный интерес.

– А не хотите как-нибудь еще раз встретиться – просто так, для общего развития?

– Вы предлагаете встретиться? – Ильмира не поверила своим ушам.

– Да. Мне хочется вас увидеть. И на вашем месте я бы согласился, чтобы заслужить мое прощение.

– Хорошо, давайте. Говорите, когда и где?

– Знаете, я сегодня свободен. Давайте через час возле вашей школы.

У Ильмиры оставался ровно час времени, чтобы привести себя в порядок и хорошо одеться. Пришла она вовремя, потому что не привыкла опаздывать. Ахмет уже был на месте и прогуливался по школьному двору с цветком в руках.

– Здравствуйте! – крикнула Ильмира, подходя к нему ближе.

– Салям алейкум! – отозвался Ахмет. – Добрый день. Это вам от меня знак внимания.

– Спасибо. Вы хорошо изучили порядки нашего народа, на свидание пришли не с пустыми руками. Но давайте сразу к делу... – Ильмира стеснялась Ахмета и не очень хотела

находиться в его обществе. – Зачем вы вытащили меня сюда, когда я призналась, что интервью с вами выдумала? Разве вам хочется говорить с обманщицей?

– Я уже это делал и нисколько о том не жалею. Думаешь, я поверил тебе, когда ты меня поймала около подъезда? Конечно, нет! Я догадался уже тогда, что никакая ты не журналистка. По тебе видно, что ты ребенок.

– Зачем же тогда уделили мне время? Почему не послали меня куда подальше?

– Зачем тебя куда-то посылать? Я мужчина, я воспитанный человек и не буду ругаться с женщиной. Я приучен женщину уважать.

– Так уж и уважать? – усомнилась Ильмира. – Неужели кавказцы уважают женщин?

– Все зависит от народа и воспитания. А еще много зависит и от самого человека. Почему, ты думаешь, я долгое время говорил тебе «вы», хотя ты мне в дочери годишься? Именно потому и говорил, что вел себя вежливо.

– Значит, если я вас правильно поняла, вы не собирались меня насиловать тогда у себя дома?

Ахмет засмеялся:

– Нет, конечно! Насиловать я тебя не думал, но желание вступить с тобой в связь у меня возникло. И когда оно возникло, я поторопился тебя выпроводить, чтобы не сорваться. Иначе что ж это за гостеприимство такое получается? Отец насилует свою дочь! Большого позора и стыда и придумать

нельзя.

– Вы умеете не владеть собой?

– Просто ты меня с ума свела. Впредь, пожалуйста, если вдруг придется, не стоит для меня стараться так хорошо выглядеть. Мне больше по душе ты естественная. Оставайся самой собой. Ценю твои старания в последний раз.

– Почему же вы меня все-таки не изнасиловали, если хотели?

– А ты бы согласилась?

– Не знаю. Это неприличный вопрос.

– Тогда я понял, что ты не доступная, – может, я ошибся?

– Ахмет, не об этом сейчас разговор! Я просто хочу понять, что вы за человек, потому что узнала я о вас многое, а кто вы такой, так и не поняла. Наше общество вообще видит в кавказцах потенциальных насильников, которые охотятся на наших женщин, и когда видишь, что это не так, становится странно. Уж простите, но не мной оно придумано. Я вообще кавказцев видела только в телевизоре, что я могу думать?

– Тебе за красоту можно простить все. Но еще раз повторю: ты мне в дочки годишься, какой стыд тебя насиловать!

– Ахмет, давайте присядем на скамейку.

Сидя рядом с ним, Ильмира нечаянно прислонилась к его плечу. И почувствовала какую-то уверенность, какую-то защищенность. Ей показалось, что если бы сейчас к ней пристали хулиганы, Ахмет бы не дал ее в обиду.

– Ахмет, вам интересно со мной?

– Почему ты спрашиваешь?

– Ну все-таки... У нас огромная разница в возрасте, что у нас может быть общего?

– Ничего: я умею с детьми обращаться.

– Скажите, вы меня долго собираетесь держать возле себя? Я домой хочу.

– А я не хочу тебя отпускать: мне понравилось быть рядом с тобой. Я никогда так близко не находился с русской девушкой. Мне приятно, что ты обратила на меня внимание. Честно скажу: я в вашем городе почти год и я пытался познакомиться с девушками, но мне не везло. Они меня как будто избегали или боялись. Неужели потому, что считали меня за насильника? Это очень обидно.

– Меня с вами, наверно, роднит мое необычное имя.

– Может быть, не знаю.

– Я вам скажу, почему наши девушки вас обходят стороной.

– Почему?

– Потому что вы наших девушек заставляете принимать вашу веру. Не обижайтесь, но я такое слышала: если русская выходит замуж за мусульманина, она принимает ислам.

– Это только в том случае, если мусульманин намерен увезти ее на свою родину. Если они останутся жить здесь, ей совсем не обязательно принимать ислам.

– Но на вас это не написано... Слушайте, вы же мне говорили, что у вас с невестами не встречаются, а сами сейчас

сидите рядом со мной? Хотя я вам и не невеста, но все же...

– Мы не в Дагестане, – объяснил Ахмет. – Здесь меня никто не видит, а я не нарушаю никакого порядка...

Они встречались еще несколько раз, но редко. Ахмет не считал Ильмиру своей девушкой – она была для него просто хорошей, неожиданной знакомой; к тому же у него был реальный шанс угодить под статью за соращение лица, не достигшего половой зрелости, хотя дальше безобидных встреч дело не шло. Встречались обычно на улице. Ахмет всегда красиво ухаживал, угощал Ильмиру мороженым, но никогда не приглашал к себе домой – и не только потому, что там были родители. Никаких планов на будущее они оба не строили и даже не видели продолжения в своих встречах. Но Ильмире нравился Ахмет, иногда ей казалось, что она его любит. Все ее мысли были только об Ахмете, дома его имя не сходило с языка Ильмиры. Мама за нее больше тревожилась, чем разделяла ее чувства: все-таки парень из чужих и отчасти диких краев. Ильмира же была им словно одурманена. При этом она его по-прежнему стеснялась и ей трудно было перейти с ним на «ты». Постепенно их свидания выстроились в отношения. Раз как-то Ильмира призналась Ахмету в том, что она – модель. Это известие привело Ахмета в ярость.

– Как тебе не стыдно выставять напоказ свое тело? Как ты позволяешь посторонним мужикам глазеть на него? Где твой стыд? А потом будешь убеждать меня, что ты не доступная и целомудренная? Целомудренная девушка так себя

не ведет!

– Не понимаю твоей реакции, – недоумевала Ильмира. – По-моему, я тебе никто – ты что, ревнуешь?

– Я не ревную – я против!

– А какое твое дело? Я не твоя собственность – делаю, что хочу. Родители не запрещают – это главное.

– Ильмира, а ты бы могла оставить это занятие ради меня?

– Зачем?

– Так просто. Я из интереса спрашиваю...

– Да я сама скоро брошу это дело: оно мне совсем не нравится.

– А ради меня бы сделала?

– Ради любимого человека я бы сделала, наверно, все. Но я тебя не люблю.

– Да, конечно, – побежденно умолк Ахмет.

– Скажи, Ахмет, а что бы ты сделал, если б я тебя бросила?

Просто взяла однажды и сообщила, что встретила другого...

– Ничего, – равнодушно ответил он. – Пока ты мне не принадлежишь и нас ничего не связывает.

Отношения возникли сами собой, постепенно и продолжались медленно, но верно уже целый год. К тому времени Ильмире уже исполнилось шестнадцать и она, наконец, достигла возраста половой зрелости. Для Ахмета это ничего не значило, но однажды, сидя рядом с Ильмирой на скамейке, он умышленно коснулся ее груди. Ильмира почувствовала его касания, движения его пальцев, но промолчала: ей по-

правилось.

– Извини, – сказал он после, – я нечаянно.

– Так лапал – и нечаянно? – не поверила Ильмира.

– Я больше не буду, – виновато пообещал он.

А она была бы не против – наоборот, ей было очень приятно, что «этот чурка», как она его часто называла, шарит у нее именно «там», по ее телу в те минуты пробежала волна легкой дрожи. Ахмет же почувствовал невероятное облегчение: наконец-то ему удалось потрогать этот соблазн, дразнивший его уже год. Но больше он действительно не трогал Ильмиру.

Ахмет, воспитанный «по писанию», в духе патриархальной морали, требовательно по отношению к себе соблюдал мусульманский кодекс морали и для него очень важен был тот способ поведения, который Коран определяет как целомудрие. То, что он дотронулся до груди Ильмиры, целомудрие исключало. Посторонняя женщина, как гласит Коран, существо скверное, ее нельзя не то что касаться, а даже и просто смотреть на нее, не опустив глаз. Соблюдение догматов религии провозглашается моральной обязанностью, долгом мусульманина. Несоблюдение догматов ислама и его обрядов расценивается как безнравственность. Поэтому такой правильный мусульманин, как Ахмет, не имел права поддаваться соблазну, а как верующий человек он вообще не должен был обращать внимания на чужие женские прелести. Ахмет совершил «харам» – запрещенный в исламе поступок: он прикоснулся к запрещенному предмету, что, по мусуль-

манским представлениям, вызывало гнев аллаха и влекло за собой совершения омовения, дабы получить ритуальную чистоту. Однако, совершенно неожиданно для себя, Ахмет не стал ничего делать – напротив, не хотел мыть свои руки, трогавшие Ильмирины прелести.

На школьной перемене Настя и Ильмира тихонько разговаривали у окошка.

– Как у вас с Ахметом? Встречаетесь?

– Иногда. Бывает, раз в месяц, бывает два, а бывает, что по три месяца не видимся.

– У вас ничего нет?

– Ну... Он мне нравится, конечно, у меня к нему чувство, даже похожее на любовь. Но не могу сказать того же о нем. Мне кажется, он смотрит на меня, как на ребенка.

– Вы не спали?

– Нет. Мы даже не целовались. Вообще он какой-то странный: мы год знакомы, а он меня всего однажды потискал, и то извинения попросил. За что извиняться-то?

– Ясно: значит, ничего серьезного! – воскликнула Настя и махнула рукой. – Чтобы в его годы, да еще южанин, и не положил в постель нашу девочку!.. Так не бывает!

– Настя, не забывай, что при нашей разнице его можно привлечь за растление!

– Так он же с тобой ничего не делал... – Настя удивилась.

– Неважно. Что ему вообще, большому дядьке, может быть нужно от малявки?

– Слушай, Ильмирка, а приходи ко мне в воскресенье. У меня у мамы день рожденья, соберутся гости из числа родственников, будет и мой двоюродный брат. Ему двадцать лет, он только из армии пришел – познакомлю!

– Не надо, – категорично отвергла Ильмира. – У меня есть Ахмет...

– Белевич и Тенешева! – раздался голос учительницы, – вы что, звонка не слышали? Урок начался...

Прошел еще один год. Ильмира блестяще закончила школу – на серебряную медаль. Потом был выпускной, на котором присутствовал и Ахмет. Он молча и спокойно наблюдал за тем, как Ильмира зажигает в танце и не стесняясь прижимается к парням всем телом. Ее движения были раскованны и смелы. Она могла и присесть, и ногу запрокинуть, и юбку задрать, так что среди ночи Ахмет утащил ее с праздника и привез в ресторан, где заказал бутылку шампанского и столик на двоих.

– А разве мне можно пить? – уточнила Ильмира.

– Но ты не мусульманка... – вяло ответил Ахмет.

– Это верно, – согласилась Ильмира. И пригубила бокал пенного напитка. Ахмет сидел с суровым лицом.

– Что с тобой, Ахмет? – обеспокоенно спросила девушка.

– Знаешь, Ильмира, я посмотрел, как ты чувствуешь себя с мальчиками, как ты себя с ними ведешь... Сама ты девочка красивая, фигура у тебя хорошая, грудь – все при тебе... Скажи, ты девственница или нет?

Ильмира чуть шампанским не подавилась.

– А что? – загадочно поинтересовалась она.

– Если вдруг нет, я не смогу на тебе жениться. Я должен сначала убедиться, что ты невинна. Я не могу покупать бракованный товар. Для меня это очень важно, понимаешь? Я хочу привезти в свой край невесту с чужбины, но честную, чтобы меня не опозорили. Ты ведь не знаешь, что такое позор предков. За тебя бесчестную мне ничего не будет, но ситуация будет некрасивой. Это очень важно для старейшин нашего рода.

Уже в который раз Ильмира задавала самой себе вопрос, почему Ахмет никогда не заговаривает с ней о сексе, ведь вместе они уже давно? И у них такая большая разница в возрасте... И не то что словом, он даже делом не трогал ее. Ильмире казалось, что с его стороны она многим обделена: Ахмет почти совсем не уделял ей телесного внимания. Умеет ли Ахмет вообще это делать? Кроме того случая на лавочке, имевшим место аж год назад, Ахмет больше не дотрагивался до нее, как будто она была заразной какой... Даже обидно. А ей бы хотелось оказаться с ним в постели, про себя она уже давно желала этого чужеземца. И хотя Ахмет стал бы ее первым мужчиной, она считала его идеальным кандидатом на эту роль. Ахмет ей нравился, она его поэтому не стеснялась и с удовольствием бы отдала ему свою честь – человеку, к которому она равнодушна. А оно, оказывается, вот как... Она нужна ему чистой и нетронутой, он ее бережет... Тьфу

ты, господи!

– Ты хочешь на мне жениться? – Ильмира испугалась.

– Я этого не говорил и тебе не скажу. Я просто на всякий случай интересуюсь.

– Дорогой Ахмет, я несовершеннолетняя, и для того чтобы жениться на мне, тебе придется получить разрешение моей мамы, иначе в загсе нас не распишут.

– Почему мамы, а не папы?

– Потому что без разницы, папа или мама. У нас оно не имеет значения и одинаково можно говорить как с папой, так и с мамой.

– Слово женщины имеет силу?

– Имеет, причем равную со словом мужчины. Для родительского согласия достаточно одного маминого слова, а если мама будет против, тебе останется только подождать, пока мне исполнится восемнадцать, или извини.

– А у тебя отец есть? Что-то на празднике я его не видел, только маму...

– Папа сейчас в больнице, он перенес сложную операцию, так что он выпишется еще, наверно, не скоро.

– Я все-таки хочу с ним поговорить, – настаивал Ахмет. – На будущее...

– Говори с мамой, какая разница? Вон Настя, подружка моя, ее мама вырастила одна, без папы, а где ее папа – никому не известно. У нас это называется неполная семья, мать-одиночка. Что ты будешь делать в таком случае?

– В таких случаях спрашивают разрешения у старшей женщины. А что такое мать-одиночка?

– Когда женщина рождает ребенка, не будучи замужем...

Ахмет быстро-быстро заморгал глазами:

– Разве так можно?

– У нас все можно...

Прежде чем пойти на разговор к Белевичу, Ахмет сначала выдержал экзамен перед своим отцом и сообщил Шамилю Казбековичу, что задумал жениться. Разговор между ними велся на лезгинском языке и по всем правилам обращения сына к отцу. Ахмет сказал, что влюбился и хочет соединить свою жизнь с местной девушкой, для чего испрашивает разрешения отца. Шамиль Казбекович поддержал сына, сказав, что он вполне уже созрел для женитьбы и имеет на нее право, а здесь ему невесты по крови не найти. Ахмет сказал также, что сыграть свадьбу он думает в Беларуси, по местным законам, а потом уехать с женой в Дагестан. Вообще, он намерен вернуться на родину – может, не сразу после свадьбы, но таковы его планы.

– Она честная девушка? А то если она таковой не окажется, мы не сможем запятнать позором ее семью: для здешних жителей и в этой стране, сколько я понял, честь невесты не имеет значения.

– Если она окажется нечестной, я накажу ее по нашим правилам и верну назад.

– Не убедил, – сказал Шамиль Казбекович. – Как ее зовут?

– Ильмира.

– Ильмира? Какое странное имя... Это имя наших женщин! Но, если она русская, она должна принять ислам!

– Отец, ты торопишься. У русских не все так просто. Ильмира несовершеннолетняя, поэтому не может выйти замуж, если ей не разрешат родители.

– А если ее не пустят замуж, мы ничего не сможем сделать?

– Ничего, – пожал плечами Ахмет. – Кроме того, что мне придется ждать еще один год, когда Ильмира сможет принимать решения самостоятельно.

– Сама, без родителей? – удивлению Шамиля Казбековича не было конца. – Но ведь она женщина... Разве женщина имеет власть?

– Папа, пойми, что мы не на Кавказе...

Шамиль Казбекович был тертым калачом. Прожив всю свою жизнь в горах, он иных порядков не знал.

–...Здесь все другое, – продолжал Ахмет. – Другие люди, другая религия, другая жизнь...

– Может, здесь и женщины тоже другие... по-другому устроены... – пространно сказал старый Рахмедов.

Для вступления в брак по-мусульмански требуется заключение договора, по которому женщина перестает быть «запретной» и становится «законной» для мужчины, за которого она выходит замуж. При первом браке требуется согласие отца. И на первом этапе мусульманского брака происходит

сговор, когда жених сам или через доверенное лицо делает предложение отцу невесты. Ахмет пришел к Белевичам сам и лично говорил с отцом Ильмиры, Владимиром Сергеевичем. На предложение выдать дочь замуж Белевич никак не отреагировал: он растерялся и не знал, что ответить, к тому же был совершенно не готов к такого рода разговору. Но весь их разговор слышала мать Ильмиры, Елена Геннадьевна, и она решительно вмешалась, сердито заявив Ахмету:

– Извините, но я не отдам Ильмиру за вас замуж! Только не спрашивайте, почему: тому есть причины.

– Увы, – поддержал жену Владимир Сергеевич. – Мать не дает согласия, а я не могу ее заставить: она мать. А для росписи в загсе необходимо согласие обоих родителей, если у нас полная семья.

– Какой калым вы за нее хотите? – пытался зайти с другой стороны Ахмет.

– Никакого! – отрезала Елена Геннадьевна. – Вы – иновенец, а я не хочу, чтобы моя дочь стала мусульманкой. И мне не нужен зять, который мне почти ровесник. Простите, но я на ваш брак не соглашусь никогда.

– Тогда давайте обсудим другие условия, – предлагал компромисс Ахмет.

– Все, уважаемый джигит, разговор окончен! Ильмире надо учиться, а не замуж идти! – не сдавалась мама.

Верил Ахмет в силу женского слова или нет, а разрешения на брак он так и не добился. По сути дела, брачный договор

не состоялся.

– Я же советовала тебе поговорить с моей мамой, – без злости упрекнула его Ильмира, когда они остались наедине. – Мама у нас в семье главная, а ты забыл, где находишься. Но не расстраивайся. Мне меньше чем через год будет восемнадцать, тогда я сама решу, как мне поступить.

– Я тебя украду, – сказал Ахмет.

– Попробуй, укради, и сядешь в тюрьму.

– Да шучу я, шучу, – признал поражение Ахмет. – Но я тебя люблю и хочу, чтоб ты стала моей женой и уехала со мной в Дагестан.

– Ты можешь немножко подождать? Я маме так и скажу, что она может не соглашаться сейчас, но скоро мне ее согласие будет не нужно, – пообещала Ильмира.

– Может быть, мне ей что-нибудь предложить?

– Не надо ей ничего предлагать. Не обижайся, но ты ей не понравился, тебе трудно будет найти с ней общий язык.

– Только, Ильмирочка, ты не сможешь стать моей женой, пока не примешь магометанство. Это обязательное условие, раз я собираюсь увезти тебя с собой. Тебе придется жить по правилам, принятым у нас.

– Джигит мой, я поеду с тобой, куда скажешь.

– Ты мне так и не ответила на мой вопрос: ты девственница или нет?

– Ахмет, а как насчет того, что в нашем обществе тоже есть девушки, которые берегут невинность до свадьбы? От-

куда ты знаешь, может, я тоже из их числа? Если ты меня любишь, ты должен мне поверить...

С этого дня Ахмет стал постоянным гостем у Белевичей. И, надо сказать, он торопил события, потому что уже в первый день принес Ильмире толстую книгу Корана, который они читали вместе и который Ильмира должна была усвоить как выученный урок. Коран – сложная для понимания верующих книга. Многие ее положения звучат двусмысленно. Одни предписания противоречат другим. Сразу Ильмира в Коране ничего не поняла, но именно с познания этой книги и началось ее принятие исламской веры. Ильмира познакомилась с самой мусульманской религией, узнала, кто такой был пророк Магомет. Первую суру Корана «ал-Фатиха», что значит «Открывающая», ей пришлось выучить наизусть, потому что первую суру обязан знать наизусть каждый правоверный мусульманин – она содержит краткое изложение догматов ислама и ею же начинается каждая молитва, а читается «Фатиха» на арабском языке. В процессе Ильмира заметила, что на самом деле ислам и православие похожи друг на друга. В Коране прописаны те же десять заповедей, что и в Библии, а, скажем, сура «Фатиха» по своей важности и обязательности близка к «Отче нашему». Оно и православная вера также не позволяет женщинам оголять все тело, как все привыкли это делать. Наконец-то Ильмире стала понятна суть претензий Ахмета к ее одежде! Православие так же обязывает женщину подчиняться своему мужу,

покрывать голову платком (это хорошо заметно на воцерковленных православных женщинах, служащих при церкви, или же при входе в православный монастырь, когда женщину обязывают надеть платок, а также юбку или передник), запрещает употреблять спиртное. Дева Мария (непорочная Мириам или Майрам), мусульманские пророки, нашедшие аналогии в христианстве (Ибрахим-Авраам, Дауд – Давид, Мусса – Моисей, Иса – Иисус), святые, оставшиеся от язычества и пр. Просто у мусульман слепая вера в крови, а православие – вера не столь жестокая. О том, что принимает ислам, Ильмира грамотно ото всех скрывала.

Попутно Ахмет учил Ильмиру молиться – становиться на колени в сторону Мекки и читать длинные, заунывные молитвы. Особенно много и долго они молились по пятницам. Потом, когда Ильмира уже заучила некоторые молитвы и могла молиться самостоятельно, Ахмет отвел ее в мечеть – благо, в городе такая имелась. Ильмира молилась и там, и делала это с охотой. Потом Ахмет сказал, что пора повязывать голову... К тому времени он уже целиком взял над ней власть, а она стала его рабыней, хотя пока этого и не замечала.

Далее Ахмет начал ознакомливать Ильмиру с мусульманскими праздниками. А тут по времени как раз подоспел Рамадан – большой исламский пост. Ахмет учил Ильмиру, как и когда надо питаться во время Рамадана, что пить, когда молиться... Конечно, ей, неподготовленной к столь суровому и изнурительному посту ни морально, ни физически пе-

реносить этот пост было тяжело, но она справилась. Тем более что на это время Ахмет привел Ильмиру жить к себе. Поэтому Ахмет мог контролировать поведение Ильмиры во время поста. Наступил негласный второй этап брака – передача невесты в дом жениха.

Ильмире было неплохо в семье кавказцев, но пока она не привыкла, чувствовала себя здесь чужой. А если посмотреть со стороны, она и вовсе не вписывалась в эту семью. Ильмира понравилась Шамилю Казбековичу и Ахмет уже не боялся не угодить отцу. Появление Ильмиры в своей семье родители Рахмедовы восприняли сдержанно, тем более что близких отношений между ними не было.

За Рамаданом вскоре последовал Курбан-байрам. То есть миновала зима, прошел Новый год, и в начале марта Рахмедовы закоптили барашка, который в Беларуси был чем-то вроде деликатеса. Датой начала Курбан-байрама, как рассказывал Ахмет, считается тот день, когда его назначит аксакал – уважаемый старейшина любого кавказского рода. Между собой в доме общались на лезгинском языке, и Ильмире пришлось учить еще и язык, который оказался трудным и больше походил на иностранный...

На все это ушел примерно год, так что когда Ильмира выходила замуж, ей уже было полноправных восемнадцать.

Шамилю Казбековичу пришлось смириться с тем, что из-за страны, в которой они находились, невольно были отодвинуты на второй план исламские принципы. Для него, старей-

шины рода, это было неприемлемо, поэтому именно он и поставил условие играть свадьбу на Кавказе, что стало неожиданностью даже для самого Ахмета. Но возражать отцу он не смел.

Третий этап брака – само свадебное торжество. На Кавказе свадьбы гуляют не день и не два, а дней пять. Гуляют всеми селами, количество жителей в которых может доходить и до пятисот человек. Гуляют все, щедро угощают тоже всех. На свадьбе и накануне соблюдаются свадебные обычаи и традиции, заложенные в ход торжества испокон веков. За день до свадьбы кавказская невеста (точно так же, как и по русской традиции) собирает девичник, состоящий из ее подруг и незамужних родственниц. Но Ильмира сделать этого не имела возможности, потому что у нее не было незамужних родственниц, а все подруги, в том числе и Настя Тенешева, остались в Беларуси. А в семью Рахмедовых Ильмира принята еще не была. Свадебную простыню после первой брачной ночи (как, опять же, по старому русскому обычаю) афишировали...

Свадьбу Ахмета и его русской невесты гуляли по «традиции отцов» с использованием кавказских традиций вообще и лезгин в частности, с привлечением лезгинских обрядов и с обязательным исполнением строгих религиозных предписаний. Невеста Ильмира была мусульманкой, но не лезгинкой; она продолжала оставаться русской девушкой с чужбины, а поэтому домашним – и особенно старейшинам – бы-

ло не столько важно, сколько интересно узнать, какую невесту привез себе Ахмет с той самой чужбины: честную или порченную. Как чужеземка, она, наверное, может быть какой угодно, но как мусульманка обязана была быть целомудренной. Если она окажется таковой – честь ей и хвала, но если вдруг порченная – это позор для Ахмета и всей семьи. В данном случае была важна исламская мораль с ее предрассудками, а не происхождение невесты со свободной моралью. Казалось бы: какой позор может быть семье, если чужеземка оказалась порочной? Она ведь не лезгинка и даже не кавказская девушка... Да! Но она теперь мусульманка, порочная мусульманская невеста, бесчестная и бессовестная, а они ввели ее свой дом и в свою семью. Ахмета и самого беспокоил этот вопрос...

Молодоженам приготовили отдельную брачную постель, застеленную белоснежной простыней. И в первую брачную ночь Ахмет смог, наконец, убедиться, что его жена невинна и честна. Но... крови не было! Простыня оставалась чистой, как и раньше.

Не будь Ахмет единственным свидетелем честности Ильмиры, он бы, наверное, взвыл в дикой досаде: столько времени и усилий потрачено, и все напрасно! Но муж-кавказец ни в чем не мог упрекнуть жену-белоруску, потому как только что он с трудом забрал ее невинность. А дабы было что показать ожидающим, Ахмет осторожно порезал себе палец и своей кровью запятнал простыню. После этого, оставив из-

мученную Ильмиру отдыхать на кровати, он вынес простыню на обозрение.

Ильмира лежала и боялась пошевелиться. Боялась новой боли, крови, слез, но слышала обрадованные возгласы за дверью. И в этот момент она вдруг ощутила себя страшно униженной... Да, по сути, вся эта картина действительно оскорбительна...

Зато мечта ее недавнего детства сбылась: обожаемый Ахмет все-таки стал ее первым мужчиной.

Тогда же ей подумалось: а зачем Ахмет мучил ее столько времени? Ведь кровь на простыне все равно его, а поэтому он мог бы сразу порезать себе палец и не нужно было терзать ее. Растерзал бы потом как-нибудь... Только потом, когда Ильмира задаст ему такой вопрос, он ответит:

– Если бы ты вдруг не была девственницей, я бы не стал мारаться сам и оправдывать тебя. Я ведь предупреждал тебя, что для меня это очень важно...

Так началась жизнь Ильмиры Рахмедовой в горах Дагестана. Скоро она поняла, куда попала. Аул Рахмедовых представлял собой глухое горное селение, находившееся за несколько десятков километров от ближайшего города Дербента. Ислам был здесь образом жизни. Здесь господствовал строжайший адат¹, который действует в силу привычки и

---

¹ Адат – это устоявшиеся обычаи, правила и нормы поведения, присущие определенной местности. Адат может играть ведущую роль в регулировании брачно-семейных, наследственных и некоторых гражданско-правовых отношений среди мусульман. В некоторых случаях адат замещает шариатские нормы.

в глухих, отдаленных горных селениях его влияние особенно сильно. Очень сильны были здесь консервативные устои ислама, высокой была обрядность по мусульманскому культу. Подавляющее большинство семей здесь были большими, жили родовыми сообществами и чтили культ предков. Жизнь и быт таких семей, в том числе и Рахмедовых, держалась на авторитете старейшин и аксакалов, которые в нравственном сознании сохраняли религиозные предрассудки и обычаи, характерные для времен их юности, а по сути, для далекого прошлого лезгин. Старейшины были приверженцами старой морали и шариата, поэтому воспитание потомков было преимущественно консервативным, основанное на религиозных положениях, запретах и предписаниях. По этой причине и в образе жизни людей всего аула сохранялись те нравственные нормы, обычаи и традиции, которые восходят к эпохе патриархально-родовых отношений и претерпевшие существенные изменения после Октябрьской революции, во многом разрушившей устоявшиеся стереотипы.

Через двенадцать лет у Ильмиры уже было четверо детей – две девочки и мальчик, сейчас она ожидала пятого. За эти годы она успела тысячу раз пожалеть, что вышла замуж за иноверца: женщина у мусульман – это только мать и хозяйка. Муж никогда не поможет ей выбить ковер, никогда не сходит в магазин, не поможет с ребенком. Муж зарабатывает деньги. Собственно, работать может и женщина – это ей позволительно, но у нее, как правило, не возникает такой необхо-

димости. Ильмира вышла замуж, закончив школу, но больше она ничего за своей душой не имела. Вся ее специальность была домохозяйка, вся работа – дети и кухня. Ее дети были разного возраста, но старшие сын и дочь росли ребятами самостоятельными, а вот вторая дочка, шестилетняя Гульнара, росла беспокойной, трусливой девочкой. Она требовала к себе повышенного внимания и была очень привязана к матери, следовала за ней буквально по пятам. Но Ильмире было тяжело уделять ей постоянное внимание в своем положении – был большой живот. Обделенная Гульнара начинала вредничать и капризничать. Сил у Ильмиры не было уже никаких, а предстояло еще приготовить Ахмету ужин и убраться в доме. Помочь ей во всем этом тоже было некому.

Правда, надо отдать Ахмету должное, он никогда не поднимал на Ильмиру руку – в семье Рахмедовых это категорически запрещено и считается позором для мужчины, при этом муж имел полное право наказывать жену за непокорность. Однако и Ильмира теперь была мусульманкой, а значит, должна свято соблюдать заповеди Магомета. И если пророк сказал – «так нельзя, терпи», значит, нельзя и надо терпеть. В противном случае ты отступаешь от религии и тебя можно за это покарать.

С годами Ильмира поняла, что на самом деле она Ахмета никогда не любила, а чувство, которое испытывала к нему пятнадцать лет назад, была вовсе не любовь, а влюбленность или даже скорее увлечение. Возрастное. Разве могла она по-

любить в пятнадцать лет, да еще от чистого сердца? Зато она сумела влюбить Ахмета в себя, ради него приняла иную веру, во многом дикую, но ту, которую выбрала сама. Ту веру, которая связывает женщине руки... И много раз уже она задавала себе вопрос: а оно ей надо было?

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Журналист

Дагестан – республика, половину населения которой составляет горское население, а вторую половину – сельское. Сельское занимает горные и равнинные районы. Лезгины проживают на юго-востоке республики, условно делятся на «северных» и «южных»; территория, занимаемая лезгинами, делится на предгорную и горную. Климат в горах более прохладный, чем на равнине, но летом нередко бывают и засухи. Город Дербент расположен на побережье Каспийского моря, в южной части страны.

В горах лезгинские селения обычно расположены на склонах. Здешняя местность – горная, дома стоят на склоне гор, и крыша одного дома является стеной или площадкой другого – одно здание стоит над другим. Улочки здесь тесные. Ильмира Рахмедова выходит из дома, похожем на хибару, в руках несет таз с бельем, чтобы развешать его во дворе.

В то же время к аулу подъехала машина телевидения – канала «ТСН». Из кабины высадились два человека и еще тре-

тъяго сняли с кузова. Это были журналисты, прибывшие в Дагестан в рабочую командировку: репортер, оператор и водитель. Погода в этих местах обычно стоит прекрасная, поэтому телевизионщики выбрали подходящее место и разбили палаточный лагерь из трех палаток. Лагерь этот был хорошо виден в поле зрения Ильмиры.

Журналист сразу заинтересовал Ильмиру, но почему – Ильмира не могла ни понять, ни объяснить. А потом она каждый день выходила к месту парковки телевизионщиков в надежде увидеть журналиста. Зачем ей это надо было, Ильмира опять же объяснить не могла.

«О аллах, я ведь мусульманка, – упрекала она себя, – мне нельзя смотреть на другого мужчину. Если об этом узнают дома... о, аллах, тогда я пропала!»

– Мама, мама! – ее мысли были прерваны детскими криками. Трое ее детей неожиданно сбежались со всех сторон и обступили ее гурточком. Ильмира расцеловала детей и пошла вместе с ними в дом.

Всего у Ильмиры шестеро детей: три сына и три дочки. Старшему, Анвару, уже восемнадцать, самой младшей Джамиле – три года. Вот уже двадцать лет Ильмира Владимировна Рахмедова живет в Дагестане, двадцать лет как она стала женой Ахмета Рахмедова. И все то новое, что случилось с ней за эти годы, только дети, которые рождались у нее с завидным постоянством каждые три года, будто по расписанию. Правда, она успела еще выучить лезгинский язык

и здесь, в дагестанском ауле, использовала лишь его, хотя лезгины владеют и русским, русский же язык используют как средство межнационального общения. Единственная славянка среди горцев, Ильмира носила мусульманский платок, как исконно мусульманская женщина. Иной веры, кроме магометанства, она теперь не знала.

У Ахмета не было ни братьев, ни сестер, но было полно прочей родни – бабушки, дедушки, тетки, двоюродные братья и сестры, и у каждого – свои семьи. Родня была очень многочисленной, трудно было даже посчитать точное количество людей, и все жили одной семьей под одной крышей – это редкие лезгинские семьи сегодня. Но женщины с малолетними детьми жили отдельно от мужчин, а мужчины – отдельно от женщин. Такой уклад называется гаремом. По правилам, в гарем имеет право входить только его хозяин, для посторонних же вторжение в гарем является тяжелым проступком, а женщины обязаны соблюдать в гареме затворничество. Но в здешнем краю было все не так категорично: в гареме было свободное перемещение, женщины лиц не закрывали, а мужчины семейства Рахмедовых имели право доступа сюда в любое время дня. При этом каждая жена обязана была по первому требованию мужа уединяться с ним для плотских утех. Жили в таких условиях, что негде было даже набрать горячей воды, а ходить за ней приходилось за несколько километров. И, естественно, что в условиях столь тесного проживания все родственники были друг у друга на

виду.

Ильмира с детьми вошла в дом. Там вся женская часть дома работала: кто убирал, кто готовил еду. Белье было все перемыто. Ильмира ненавидела этот дом вот уже несколько долгих лет. Все ей здесь приелось, даже люди, окружавшие ее. Ей надоела сама исламская религия, надоели их праздники – как сытый Курбан-байрам, так и голодный Рамадан. Надоело молиться по пять раз в день. Надоела эта земля дагестанская, этот край, надоел муж, надоела сама жизнь, в которой Ильмира была сейчас как капля в море... Надоел язык, на котором ей теперь приходилось постоянно общаться, надоел этот бессмысленный платок, платя по самую лодыжку длиной – хотелось свободы. Свободы действия и движений, раскованности. Все более лениво совершая пятничный намаз, она боялась неосторожно выдать свое поведение. В кругу женщин, в одночасье хозяйничавших на кухне, боялась обратить на себя внимание плохим настроением или отлыниваем, боялась нечаянно сказать слово по-русски. Только дети радовали ее, хотя часто Ильмира думала, что весь этот выводок ей совершенно ни к чему, а если бы она была замужем за человеком своей крови, то никогда бы их столько не родила. А здесь она и рожала публично, на глазах у всех обступивших ее взрослых женщин. Конечно, в ауле были больницы и родильные дома, приезжали «скорые», но так повелось, что в семье Рахмедовых рожали дома. В семье имелись свои повитухи – пожилые женщины или бабушки, которые

прежде для «облегчения» родов использовали разные магические средства. Сегодня магию не применяют, а приглашают врача, однако домашние роды стали семейной традицией. Но, в принципе, в этом краю было много публичности... Даже вот, когда у ее старшей дочери Гузель появились первые месячные, это нужно было обязательно предавать гласности. Теперь Гузель считалась невестой и с этого дня девушки повязывали платки и уже никогда их не снимали. В некоторых странах с этого дня девушки закрывали лица. Но зачем, спрашивается, об этом знать всем? Этого Ильмира не могла понять до сих пор.

Ильмира вернулась в дом, чтобы совершить омовение для полуденной молитвы. Омовение – это умывание тела верующего водой или песком перед намазом для ритуального очищения; Ильмира склонилась над тазиком с водой.

Молитвы проходили в специально отведенной для этого комнате, в которой также хранился Коран. Домашние моления совершались самостоятельно, без участия духовных лиц, но под контролем старейшин. Дома молились все вместе – и мужчины и женщины в одной комнате, все одинаково становились на колени, соблюдая необходимые для этой процедуры формальности, и поворачивались в сторону Мекки. В мечеть ходили только по пятницам.

Ильмира лишь делала вид, что молится, губы ее не произносили ни одного молитвенного слова. С каждым разом она все больше немела, равнодушие ее увеличивалось. Она

переставала даже слышать, как молятся рядом с ней.

Вскоре в ауле проходил какой-то национальный лезгинский праздник. По традиции, гуляли всем селом. Центральной фигурой этого праздника стал огромный торт, который на рекорд испекли несколько женщин из села. Метр в высоту и полтора в ширину, он насилу уместился на деревянном столе. Это событие не осталось без внимания журналистов, работавших прямо по соседству. Командированный репортер обязательно снял репортаж о празднике и особенное внимание уделил кондитерскому изделию, где комментаторами выступили жители враз прославившегося села.

– Скажите, – задал он вопрос одной из женщин, – вы всем селом с тортом вместе хотите попасть в Книгу рекордов Гиннеса?

– Да! – весело ответила женщина. – Мы его на рекорд и работали!

Переступая с место на место, в густой толпе народа, журналист неосторожно наступил кому-то на ногу. Он сразу же обернулся, чтобы извиниться.

– Простите... – начал он и запнулся, не зная, как сказать дальше. На него зелеными глазами на русском лице смотрела Ильмира. Это ей он нечаянно отдал ногу. Как извиниться перед мусульманской женщиной?

– ...ради аллаха, – подобрал он наконец нужное слово, и долго еще не отводил от Ильмиры нескромный, но осторожный взгляд.

В очередном выпуске новостей Ильмира узнает, что журналиста зовут Александр Чернецов – таким именем он подписал свой репортаж.

Вечером после работы телевизионщики жарили шашлык в своем лагере. Александр пребывал в романтически приподнятом настроении духа и, не сдерживаясь, признался:

– Какой, однако, «красивый жэнщина»!

Оператор Борис Кустодиев засмеялся:

– Ты чего, Сашок?

– Борь, ты разве не обратил внимания, как она красива?

– Кто?

– Та женщина, которой я на ногу наступил.

– Да что женщина? Мусульманка – и все.

– Нет, Борь, не все. У нее славянское лицо и глаза зеленые...

– Тем более. Славянка в горах Кавказа – это только чья-то жена... – Борис жадно впился зубами в кусок мяса на вертеле. – Обалденное мяско, пальчики оближешь. Первый раз в своей жизни я пробую баранину. Правда, жирная, зараза.

Александр не слушал, расслабился:

– Я хочу увидеть ее еще раз: она меня очень заинтересовала. Ты не видел, где именно она живет?

– Санек, пойми, наконец, что она недоступна...

– Но видеть-то мне ее, по крайней мере, можно? – не сдавался Чернецов.

– А если ее муж-джигит о том узнает? «Секир-башка» бу-

дет и тебе, и ей. Лучше составь мне компанию, укуси мяска-то...

Чернецов жевал мясо и задумчиво твердил:

– Борь, я должен ее найти.

– Интересно, как? Село большое...

– Я спрошу у людей, где живет женщина с русским лицом – думаю, меня поймут.

– Ну-ну, попробуй. Только вот когда о ней по деревне слух пойдет, что ею посторонний мужик интересуется, «секир-башки» тебе не миновать. Тебе нужна женщина, которую можно было бы послать вместо разведчика. Если бы женщину женщина искала – другое дело совсем было бы.

– Где я ее возьму, я единственный репортер на Северном Кавказе! – сердито отозвался на предложение Чернецов.

– И в нашей съемочной группе, как назло, тоже девчат нет... м-да, ситуация, – Борис облизал пальцы.

– Фиг с ним, буду действовать сам, – решительно заявил Александр. – В конце концов, я журналист, а журналистам, как врачам, можно сделать и исключение – профессия такая. Может, она мне в силу работы нужна?

И Александр стал выслеживать Ильмиру. Начал с того, что спросил у местного жителя – мальчика лет девяти, где живет русская женщина. Мальчик сначала не понял, о ком идет разговор, но потом указал на дом Рахмедовых. Выбор ребенка был не случайным: Чернецов надеялся, что ребенок не очень сведущ в вопросах религии и интерес постороннего

дяди к их тете ему ни о чем не скажет. Так оно и случилось. К тому же Александр не знал, как обращаться к почтенным старцам...

Но в доме Рахмедовых жило много женщин, и нужно было еще дожждаться, когда выйдет на улицу та, что ему нужна. Сашка быстро понял, что ждать ему, возможно, придется долго, и решил было обойти весь дом со всех сторон, заглядывая на всякий случай в окна. Конечно, он и подумать не мог, что женщины в этом доме живут гаремом, а гарем – на втором этаже, но ему несказанно повезло: в окне на кухне он увидел ту, которую искал. Ильмира месило тесто и была одна. Кухонное окно было, по его подсчетам, близко от входной двери, и Сашка постучался.

Кухня действительно находилась рядом с выходом на улицу, поэтому Ильмира услышала стук и без всякой предосторожности открыла. Чернецов не верил своим глазам: перед ним стояла женщина русской национальности, со славянским лицом и в платке, который ей, кстати, совсем не шел. На вид ей было около сорока. Александр растерялся, забыл даже, зачем пришел.

– ...Так вам что угодно? – продолжала спрашивать Ильмира, не получая ответов на свои вопросы.

– Я... мне... я хотел только спросить, не дадите ли напиться?

– Конечно. Сейчас, минуто...

По правде говоря, Александр мало сомневался в отказе:

когда-то он слышал, что кавказцы – народ обычно гостеприимный и никогда не отказывают в помощи, а если могут, то всегда посильно помогают... Ильмира жестяной кружкой зачерпнула из пластмассового ведра воды и вынесла гостю.

Александр пил и не сводил глаз с хозяйки, а в это время в хибару возвращалась Зарема – жена двоюродного брата Ахмета. Она еще только приближалась, и бог весть, что ей прикидилось издали, но когда Чернецов ушел, она напустилась на Ильмиру:

– Как тебе не стыдно улыбаться чужому мужчине и не наших кровей? Или ты забыла, что сказал Пророк?

– Зарема, аллах с тобой, тебе показалось! Этот человек всего лишь попросил стакан воды, но я не смела с ним заговорить или улыбнуться ему!

– Ты стояла очень близко к нему...

– Стояла... – не стала отрицать Ильмира. – Зарема, дай слово, что ты об этом никому не скажешь...

– Поклянись пророком, что ты ему не улыбалась...

– Клянусь Магометом, – Ильмира упала на колени и крепко поцеловала руку Заремы. Лицо Заремы смягчилось.

– Ладно, я никому не скажу... Но, признайся, тебе ведь понравился этот русский?

– Вовсе нет. С чего ты взяла?

– Он на тебя так смотрел!..

– Просто я здесь единственная русская, вот и привлекла его внимание. А если даже и посмотрел – так он на меня, а

не я на него.

– Честно? – строго спросила Зарема.

– Честно, – подавленно ответила Ильмира и чуть не рыдалась от обиды.

– Ну, смотри... – как будто пригрозила Зарема и ушла. А Ильмира обтерла руки, села за стол и упала на вытянутую руку. Послышались всхлипы.

Но больше Чернецов не приходил и Ильмира о нем не вспоминала. Для нее Сашка был обычным прохожим, попросившем напиться, а она ему неосторожно открыла. Она не думала о том, почему этот русский пришел именно к ней, хотя аул большой, а дом Рахмедовых ничем особенным на общем фоне не выделяется. Ей и в голову не могло прийти, что русский смотрел на нее не простым гостем...

Как-то утром Ильмира взяла старшего сына Анвара и вместе с ним пошла за водой за полтора километра. Анвару шел уже девятнадцатый год, лицом он был вылитый отец. Он шагнул впереди матери и нес одно ведро с водой, а два полных несла мать: у мусульманских мужчин не принято помогать женщине справиться с ее прямыми обязанностями. Для Анвара это ведро было как кружка, а Ильмира обливалась потом и периодически останавливалась передохнуть. И где-то на середине пути мать и сын нечаянно наткнулись на съемочную группу телевизионщиков.

Увидев, в каких условиях живут женщины на Кавказе, Александр разинул рот и долго не мог его закрыть, пытаясь

переварить тот факт, что женщина тратит надрывные силы, а мужчина идет рядом и как будто этого не видит. Но вдруг он узнал в женщине ту, славянский облик которой не давал ему покоя уже несколько месяцев. Александр хотел что-то сказать, но не решился. Ильмира, в свою очередь, окинула репортера уставшим взглядом...

Никогда Александру Чернецову не было так тяжело, как сейчас. У него чесались руки, чтобы взять ее ведра и понести туда, куда она скажет. На выручку пришел оператор Кустодиев:

– Что ж ты, – обратился Борис к Анвару, – матери не можешь? Поднес бы ей хоть ведро, что ли?

– Это ее дело – ведра таскать, – резко ответил сын на хорошем русском.

– Зачем же ты тогда пошел с ней, если не хочешь помочь? – взволнованно вмешался Александр.

– Потому, что так положено, – неласково ответил Анвар.

– Я журналист, – вырвалось у Чернецова, – и готовлю по спецзаказу из Москвы передачу про народы Северного Кавказа. Собираю фольклор, записываю обычаи и обряды, историю народа, – на ходу сочинял он. – Сейчас у меня как раз очередь лезгинов. Не могли бы вы мне уделить какое-то время для беседы?

– Сейчас – нет, – неожиданно переменившимся тоном ответил Анвар. – Вы приходите к нам домой – посмотрите на наше гостеприимство, попробуете нашу кухню... Только не

сегодня: у нас сейчас Рамадан – мы постимся, поэтому по правилам угостить вас не сможем. Заходите через две недели. – Анвару польстило то, что с таким предложением журналист обратился именно к нему, а он воспользовался своим мужским правом принимать решения.

– Мне прийти к вам домой? – у Чернецова будто крылья выросли. – Куда именно?

– А вы ждите здесь: мать за водой ходит часто, а я ее бес-
сменный сопровождающий. Я тогда дома скажу – там все
приготовят к вашему приходу.

Эти две недели журналист провел в поездках по Дагестану – такое задание ему поступило из Москвы. Делал репорта-
жи из Дербента, Хасавюрта, Махачкалы и Кизляра, который
был довольно далек от здешнего села. Чернецову поручили
подготовить полную программу о Дагестане – в жанре доку-
ментального фильма. После, собрав полученные сведения,
Александр приобщит их к уже имеющимся материалам, и у
него получится складный документальный цикл программ.

У Рахмедовых гости встречены были очень добродушно.
Сразу с порога, как только они вошли, Казбек Азаматович,
дед Ахмета, заиграл какую-то незнакомую гостям мелодию
на национальном инструменте, домочадцы запели песню на
лезгинском языке (позже Александр узнает, что это был лез-
гинский фольклор, которым обычно приветствуют почетных
гостей). К их приходу накрыли щедрый стол, на котором,
однако, не было водки. Зато было изобилие блюд, которые

русским гостям показались изысканными деликатесами. Мусульмане не едят свинины, зато употребляют прочие виды мяса – говядину, баранину, курятину; мясных блюд было много: кебаб, котлеты, бозбаш (мясной суп с картошкой), заимствованные у русских. Стояло на столе и повседневное блюдо – хинкал с начинками из творога и яиц и даже праздничный пирог и халва. Но, конечно же, главным был царь шашлык из баранины, бесподобно приготовленный с приправами на шарнире. От шашлыка исходил божественный запах.

Никогда в жизни ни Чернецов, ни Кустодиев не ели так вкусно и сытно, как сегодня. Александр даже украл кусочек шашлыка и курятины для съемок – чтобы подразнить зрителей.

Наевшись до отвала, журналист приступил, наконец, к делу.

– Мы готовим передачу о народах Дагестана, – пояснил он.

– О, – одобрительно сказал аксакал, – нашим народам есть о чем рассказать. Только в Дагестане народов много, и часть из них живет здесь, в горах, а часть – на равнине. Вы уже были на равнине?

– Мы обязательно там побываем, – заверил Чернецов. – Нас интересуют обычаи, культура, фольклор, религия – одним словом, все, что имеет отношение к дагестанским народам. Но начать мы решили с лезгин, потому что в вашей

местности мы остановились. Можно обратиться с вопросом к вашей женщине? – осторожно спросил Александр, обращаясь ко всем сразу.

– Обратитесь, – разрешил аксакал.

И Чернецов завел разговор, конечно же, с Ильмирой:

– Вот я заметил, что вы славянской наружности. А что вы делаете в горах Дагестана?

– Это правда, – живо ответила Ильмира. – Я действительно русская и по крови – христианка. Моя родина в Беларуси, в провинциальном городе, где я родилась и прожила восемнадцать лет. Но потом, чтобы выйти замуж за Ахмета Рахмедова, человека иной религии, я приняла его веру. И теперь живу так уже двадцать лет.

– Вы двадцать лет живете в Дагестане?

– Да.

– А зовут вас как?

– Ильмира. Для белорусов имя, конечно, странное, а здесь оно очень удобное.

– Вас так называли с рождения или вы сами приняли это имя?

– Так меня зовут всю жизнь, а называли в честь акушерки, помогшей мне появиться на свет; она была татаркой. Этим именем меня крестили.

«Вот и познакомились, дорогая!» – по себя обрадовался Чернецов.

– А может быть, вы мне расскажете об этнических осо-

бенностях лезгин?

– О нет, – вмешался Шамиль Казбекович, – она по происхождению не лезгинка, поэтому ничем вам помочь не сможет. Извините.

Сашка расстроено умолк.

Беседуя с журналистом, Ильмира успела заметить, что он весьма хорош собой, молод и аккуратен. В него можно было бы влюбиться, если бы для нее это не являлось запретным грехом. Однако после индивидуальной беседы с Александром Ильмиру будто подменили. Она вдруг потеряла покой и стала думать о журналисте днями и ночами. Мысли ее были настолько глубокими, что она иногда не слышала, как к ней обращаются в доме, чего от нее хотят дети, что ее зовут. Глядя вокруг себя, Ильмира со страхом понимала, что окружающее ее общество людей становится ей все более противно. Она боялась себе признаться, что ей понравился журналист, что ее к нему тянет. Ей казалось, что это не то влечение, которое греховно и запрещено, а просто журналист был русским, и теперь их двое русских в этом глухом дагестанском ауле, населенном одними лезгинами. Это национальное, успокаивала себя Ильмира.

Поздним вечером, когда в гареме все утихло, Ильмира предприняла секретную вылазку. Она вылезла из кровати и на цыпочках спустилась на первый этаж дома. У кого-то слева от нее работал телевизор, но как раз поэтому ее и не слышали. Ильмира кралась, как кошка, осторожно, с оглядкой,

стараясь не шуметь, и, наконец, отодвинула задвижку. Лицо обдал теплый ветер. Ильмира ступила шаг за порог, плотно прикрыла дверь с улицы и со всех ног побежала без оглядки.

Она быстро нашла палаточный лагерь телевизионщиков. Мужчины мирно спали в своих шалашах. Окрестность освещали только звезды и луна. Место, облюбованное телевизионщиками, было тихое и уединенное, по безлюдности напоминавшее лес, где за сохранность личных вещей никто не боялся. Ильмира старалась угадать палатку Александра.

Палатка закрывалась изнутри на «молнию». Приподняв ее за самый край, Ильмира открыла ее створки и заползла внутрь, но нечаянным движением разбудила спящего. Тот вскочил как ужаленный.

– Вы кто? Как вы сюда попали?

В лицо Ильмире ударил свет от фонарика. Она обрадовалась: перед ней сидел Александр.

– Это я, – тихо ответила Ильмира. – Вы ведь хотели, чтобы я пришла?

Чернецов взгляделся в незваную гостью.

– О боже, это вы! Ильмира, да это возможно ли?

– Я давно заметила, как вы на меня смотрите... Я очень боюсь, но я пришла к вам разбавить это надоевшее мне общество.

– Как вы меня нашли?

– Почувствовала.

– А как вы ушли из дома?

– Осторожно. Прошу вас, освободите меня от этого! Эта слепая вера и этот край отняли у меня все, я теперь всего лишь бесправная женщина. Мне все надоело! Я хочу домой!

– А как же ваши дети?

– Здесь дети всегда остаются с отцом, – отрешенно ответила Ильмира. – По правилам мусульманского права при разводе супругов с матерью остаются девочки до времени выхода замуж, а мальчики – лишь до семи-восьми лет. Но я не думаю, что Ахмет бы отдал мне их. Здесь другие порядки.

Чернецов взял ее за руки и некоторое время молча любовался и ими, и лицом Ильмиры.

– За тобой нет «хвоста»?

– Меня никто не видел.

– А где твой муж? Что-то я его не видел... Хоть бы посмотреть, как он выглядит...

– В Дербенте: там у него офис фирмы по грузоперевозкам, соучредителем которой он является. В его личном распоряжении несколько грузовых фур и микроавтобусов. Он в Дербенте пропадает часто и подолгу, но переезжать туда не думает: ему удобно жить так, как есть.

– Ты у него единственная жена?

– Да. В Дагестане многоженства нет, потому что Дагестан – территория России, а в России полигамия запрещена законом. Полигамию разрешает религия. Но если мужчина решил взять вторую жену, он должен быть готов ее содержать. У Ахмета нет такой возможности. Вторая жена берется толь-

ко с разрешения первой. А Ахмет такой человек, что женится только по любви, нелюбимая женщина ему не нужна. Вообще, многоженство не столь распространенное явление, как кажется. В некоторых мусульманских странах по закону мужчина может иметь лишь две жены, а в ряде стран полигамия и вовсе запрещена.

– А что такое шариат? Сейчас часто говорят о нем, даже ругают мусульманское правосудие, что, якобы, оно основано на законах шариата. А насколько это правда?

– Правда. Шариат в переводе с арабского «ясный путь, по которому надлежит следовать». В принципе, это исламский образ жизни. Шариат – мусульманское законодательство, включает нормы, которые регулируют семейные, гражданские, бытовые и прочие взаимоотношения мусульман. В шариате предписано все: нравственные законы семейной жизни, различные разрешения и запреты. Все это закреплено в Коране и по этим правилам живет весь мусульманский мир.

– А село это тоже по шариату живет?

– Обязательно. В городах, особенно в крупных, больше открытости и свободы, больше лояльности, а в сельской местности, конечно, жестко. А в нашем ауле особенно: у нас абсолютный патриархат. Аулом негласно правят старейшины – они есть почти в каждой семье, а старейшины по складу души ортодоксальные ревнители традиций, поэтому у нас здесь все очень консервативно. Самый консервативный, ко-

нечно, быт. Религиозная обрядность в быту тесно связана с лично жизнью людей и является для многих только данью семейным традициям. Ряд мусульманских обрядов и праздников принимается некоторыми людьми как выражение национальных обычаев. В религиозно-обрядовой стороне жизни и семейно-брачных отношениях свои позиции сохраняет шариат.

– А кровная месть здесь есть?

– Наблюдается. Вообще лезгины от кровной мести давно отказались – сегодня это обычай себя практически изжил. Но в нашем селе живут родовыми сообществами и очень чтят культ предков, а там, где есть родовое сообщество и культ предков, кровная месть в некоторых случаях необходима – например, убийство родственника или оскорбление семейной чести. Если за это не отомстить – считается позором. Десять лет назад, помню, в другом конце аула у нас произошло изнасилование, а в этих краях оно запрещено. Какой-то махачкалинец надругался над местной девушкой – насильник был приезжим, потому что здешние никогда на такое не пойдут: они знают, что здесь подобные вещи жестоко караются. Так вот Аслан, старший брат той девушки, его отловил и перерезал горло – по обычаю кровной мести. Правда, ее саму тоже убили – за то, что своим бесчестьем опозорила семью. Как сейчас вижу: Аслан идет по аулу с окровавленным ножом.

– Когда совершают кровную месть, как-то по-особенному

убивают?

– Обычно перерезают горло: так правильней.

Чернецов свистнул:

– Жестоко!

– Увы...

– Но паранджу, я смотрю, здесь не носят...

– Нет. Одежда подобного рода в России не принята.

– Так ты, наверно, знаешь здешний язык?

– Лезгинский? Знаю, конечно. А еще арабский. Коран написан на арабском языке и молитвы читаются тоже на арабском. Итого четыре языка.

– Почему четыре?

– Ну как же... Русский, белорусский – я его еще не забыла, лезгинский и арабский. Так что я полиглот.

– Обалдеть!

– Это что: большинство лезгин знают еще и азербайджанский язык, потому что граничат с Азербайджаном.

– Лезгинский язык имеет письменность?

– Да. Письменность современного лезгинского языка была создана в первой трети двадцатого века, а до революции лезгины и аварцы пользовались вполне свободно арабскими буквами. Правда, эту письменность знали единицы.

– Смотри ты! – удивился Александр. – А аксакал ваш мне этого не рассказывал...

Ильмира пожала плечами.

– Зато я рассказала.

– Н-да... А твой муж хадж в Мекку не совершал?

– Нет, хаджи у нас нет. Для хаджа нужны материальные средства, а наши люди их не имеют. Каждый правоверный мусульманин обязан совершить хадж, но если у него нет денег на дорогу, он вправе отказаться.

– А ты в Дербенте была когда-нибудь?

– Была пару раз. Я просила Ахмета, чтобы он взял меня с собой, а то здесь можно с тоски умереть. Мне здесь ужасно скучно.

– А дети?

– Что – дети? Анвар уже взрослый, дочки тоже почти взрослые – пятнадцать лет и двенадцать. Все мое развлечение – самая младшая, Джамиля, которой только три. Это очень весело, веселее не бывает. А в Дербенте я сразу на экскурсию пошла. Да-да, пока Ахмет своими делами занимался, я осталась без его присмотра. Зато поездила по городу, посмотрела на ханский мавзолей 18 века, остатки ханского дворца 18 века, видела комплекс Джума-мечети 8 века, Минарет-мечеть 14 века. А дома живу в гареме под бдительным оком Рахмедовых...

– Как в гареме? – Александр испугался.

– Вот так. Женская половина дома называется гаремом.

– Стесняюсь спросить, вы что, с мужьями не спите?

– Почему же? Летим к ним по первому же требованию.

Если ослушаемся, мужья имеют право нас наказать – например, высечь. В том же шариате это называется «наказать за

непокорность».

– И твой тебя наказывает?

– Бывает... Правда, только за неповиновение. Чтобы меня бить, Ахмет не так воспитан.

– Бедненькая моя... – Александр искренне посочувствовал Ильмире, прижал к себе, приласкал. – Зачем же ты вообще пошла за него?

– Я встретила его, когда мне было пятнадцать. Тогда я думала, что люблю его. Он заинтересовал меня своей необычной внешностью, понравился, мне захотелось его завоевать, а он в меня влюбился и взял замуж. Обратил в ислам. Теперь я не вижу ничего, кроме дома, хозяйства и детей. А Ахмет мне никогда не поможет: у них это не принято.

– А куда смотрели твои родители, когда замуж за него отдавали? Разве они не знали, что тебя ждет?

– Почему же? Мама была очень против, она Ахмета вообще не воспринимала. Во-первых, нерусский, во-вторых, в два раза меня старше. Но я выходила замуж в восемнадцать лет, родители уже ничего не решали. И теперь Кавказ отнял у меня все, – печально продолжила она. – Отнял религию, свободу... Я ненавижу Кавказ, ненавижу Дагестан и этот край, не люблю Ахмета. То, что я пошла за него замуж, – моя большая ошибка в жизни.

– А сколько тебе сейчас, если не секрет?

– Через полтора года сорок. И двадцать лет я уже живу здесь. Здесь сыграли свадьбу, здесь я рассталась с девствен-

ностью, родила шестеро детей. А сколько я здесь видела!.. Вот хотя бы то изнасилование, о котором я говорила. У меня несколько дней был шок, а лезгинам все равно. Горцы к такому привычные, для них это в порядке вещей. Теперь ты расскажи о себе.

– Я приехал в Дагестан в рабочую командировку. Не знаю, сколько здесь пробуду, но ближайший год точно. Я здесь уже полгода, но тебя увидел только сейчас.

– А кто твои родители?

– У меня их нет. Отец умер от инсульта – я еще горьким ребенком был, а мать с сестрой утонули несколько лет назад.

– Ты никогда не был женат?

– Нет, хотя мне уже тридцать пять.

– Я старше тебя...

– Это не страшно... Просто в моей жизни много лет назад была нехорошая история, после чего я стал осторожен.

Александр был притягательным лишь внешне, изнанка же его скорее отталкивала. Он был вульгарен, не лишен хамства и грубости. Вся его интеллигентность была показной – он просто умел подстраиваться под обстоятельства. Он был психически неуравновешенным человеком, его легко можно было вывести из себя, он был горазд распускать руки. Для семьи был просто не создан, поэтому и не имел ее. Чернецов – человек несерьезный и безответственный, ветреный, часто увлекающийся бабник. Он много раз влюблялся, но по-настоящему не любил ни разу, он быстро западал и быстро со-

скакивал, загорался и остывал. Как правило, это случалось после постели: переспав с женщиной, Чернецов сразу утрачивал к ней интерес. Все его предыдущие отношения с женщинами были непостоянные, носили скоротечный характер и заканчивались обычно после первого секса. Сам он объяснял такое свое непостоянство тем, что он еще просто не встретил ту единственную, которая ему нужна; в действительности же он просто не знал, кого ему надо. По причине своей безответственности Чернецов выбирал себе для постели только опытных женщин и никогда не имел дел с невинными барышнями – таких он просто сторонился. Сам себя он называл убежденным холостяком.

Работу свою Сашка любил и делал ее с удовольствием. Работа обеспечивала ему постоянную занятость, отвлекала от одиночества и скуки, вносила разнообразие в его серую и однообразную жизнь, занимала почти все его свободное время, а коллеги и знакомые составляли круг его общения. Работе Сашка отдавался полностью – ведь она была всем, что у него было, она же не позволяла ему спиваться, а пил Чернецов много, потому что по жизни был «одиноким волком», который не имел ни родных, ни друзей, ни семьи. Пил он, может быть, больше, чем ему бы следовало, а в нерабочее время вообще пил часто. И пил обычно охотно. А в состоянии подпития он был непредсказуем, мог повести себя совершенно неожиданно. Он умел как спокойно завалиться спать, так и быть неуправляемым. На характер его поведе-

ния в таком состоянии влияли несдержанность, раздражительность и вспыльчивость – все те черты, которые и определяли его психическую неуравновешенность.

При этом Чернецов отнюдь не был тунеядцем. Он вообще бездельничать не привык и не любил, а если бы вдруг потерял работу журналиста, то бросил бы все силы на то, чтобы найти новую.

Александр протянул Ильмире руку – подняться. Только она встала, как он ухватил ее и крепко поцеловал. Затем развязал ее платок и сладко обнял.

– Не верю своим глазам! Часто я представлял себе, что однажды это будет, но я никогда в это не верил...

– Идем со мной, – сказала Ильмира и за руку повела его в ночь.

Ильмира привела Александра к самому обрыву, где внизу шумно бурлила река Самур, а волны с грохотом ударялись о берег. Здесь, на краю обрыва, стоял кривой утес, а внутри него пряталась пещера. Пещеры Кавказа узкие и непроходимые. Произойти здесь может всякое: от камнепадов и паводков до клаустрофобии и паники, которая возникает из-за замкнутого пространства и отсутствия естественного света, что действительно опасно.

Двое вошли внутрь пещеры. Пустая и холодная, она была безжизненна.

– Вот здесь, – сказала Ильмира, – будет место наших встреч.

– Но здесь чертовски холодно...

– Разведем костер. Зато пещера немая и никогда нас не выдаст.

У огня Ильмира и Александр провели остаток ночи. Ильмире было очень хорошо без платка, огненные блики освещали ее красивое лицо. Ильмира нравилась ему все больше и больше.

– Ильмира, если бы ты знала, как у меня щемило сердце в тот момент, когда я увидел тебя вместе с сыном, когда вы несли ведра с водой. Он тебе не помогал, а у меня руки чесались помочь тебе, но, честно говоря, я робел перед твоим сыном, ведь кавказцы очень мстительны, и вдруг бы я неправильно вмешался?

– Помочь ты мне все равно бы не мог, но заговорить с мусульманкой в присутствии мужчины можно, а вот если наша женщина одна, она сама обязана избегать чужого мужа.

– Теперь я это знаю... Господи, на какую клетку ты себя обрекла? И зачем? – сочувственно отозвался Александр.

Она обнимала Чернецова так, как будто он был ее последней надеждой на спасение.

– Светает, – задумчиво сказала Ильмира. – Мне пора уходить. Жду тебя завтра ровно в полночь в пещере...

И ушла, не оглядываясь. На душе у нее было тяжело и страшно. По дороге она взывала ко всем небесным силам, чтобы только никто из Рахмедовых не заметил ее отсутствия.

Заснув в то время, когда уже надо вставать, Ильмира ссы-

лалась на плохое самочувствие и просила разрешения еще немного поспать. На первый раз это сошло, но Ильмира понимала, что врать придется постоянно, поэтому надо что-то делать. А видеться с Александром она могла только по ночам...

– Зарема, что мне делать, подскажи! – Ильмира и Зарема уединились после обеда. – Мне понравился Александр Чернецов – помнишь, тот журналист, который приходил к нам? Ночью я с ним виделась, но постоянно это продолжаться не может и однажды меня обнаружат...

Зарема, услышав признание Ильмиры, посмотрела на нее неодобрительно и с негодованием.

– Ты хочешь, чтобы я отпустила тебя на измену? – ужасалась она гневно.

– Я не изменила Ахмету... – испугалась Ильмира.

– Но ты спрашиваешь у меня, что делать, в то время когда бегаешь к другому мужчине? Ильмира, если ты забыла, то я тебе напомню, что у нас этого нельзя.

– Аллах Всемогуший, я была-то с ним всего один раз... Мы только невинно разговаривали... – Голос Ильмиры дрожал. – Он ведь здесь такой же русский, как и я, других нет...

– Это харам, Ильмира. Что тебе за него полагается, ты знаешь.

– Зарема, но ты понимаешь, что мне понравился другой? Я боюсь признаться, но так и до измены Ахмету не далеко...

Лицо Заремы стало каменным, взгляд – уничтожающим.

Ильмира почувствовала во всем теле страх и поспешила оправдаться:

– Клянусь, я этого не делала!

– У тебя есть выход, – огорошила Зарема неожиданным ответом.

– Какой?

– Ты можешь отказаться от нашей религии и выйти из ислама.

– Отказаться? – Ильмира насторожилась. – Как это?

– Да! Ты же не родилась в исламе и поэтому можешь перейти в другую веру, вернуться в свою. И тебя не накажут, если ты об этом заявишь. Вот только тебе придется покинуть наш дом – извини, но немусульмане здесь жить не могут. Иное дело, что ты сейчас, будучи магометанкой, отважишься изменить Ахмету – тогда тебя убьют.

У Ильмиры чуть сердце не упало! Как же так? Она может выйти из ислама и быть всего лишь изгнанной из дома Рахмедовых! Разве это не здорово?!

– А как мне можно это сделать?

– Не следуй заповедям Пророка, игнорируй Коран, не совершай послушно намазов, уклоняйся от наших обычаев, начни есть свинину, и однажды громко сообщи, что твое православие тебе важнее и дороже. Но после этого быть тебе абречкой. Абрек – это изгнанник рода, в наших краях это страшное наказание. И путь возвращения из ислама – дело времени, как понимаешь. За один день ты не успеешь.

– Ты меня поддерживаешь?

– Ты спрашиваешь, одобряю ли я твою измену Ахмету? Извини, но здесь я тебе не советчик. У нас за это убивают. И имей в виду, Ильмира, что если меня однажды спросят, не было ли мне известно что-нибудь о твоих похождениях, я молчать не стану и расскажу все.

– А Ахмет? Что будет с моим браком?

– Ахмет с тобой разведется. Или вас разведут...

Развод по-кавказски очень напоминал свадьбу, только свадьбы гуляют пышно на все село и аксакалы обоих родов крепкожимают друг другу руки, а во время развода аксакалы руки себе развязывают. В случае с Ильмирой процедура развода была невозможна, поскольку отсутствовал старейшина ее рода, а это означало, что Ахмету достаточно будет просто произнести во всеуслышание, что он разводится с женой...

Мужчине достаточно трижды сказать в присутствии свидетелей «Ты свободна» или три раза произнести слово «талак», что значит «отпускаю». В этом случае женщина полностью освобождается от всех супружеских обязанностей, но за нею сохраняется имущество, полученное от мужа. Слово «талак» произносится мужем в течение трех месяцев – например, три раза в январе, три раза в феврале и три раза в марте. Итого выходит девять раз. Если же «талак» был сказан три раза или шесть, то супруги могли еще примириться и возобновить отношения – тогда развод считался недействи-

тельным. Если же формула развода произнесена девять раз, брак не может быть восстановлен уже ни при каких условиях – Я боюсь, Зарема. Хотя я уже двадцать лет живу среди вас, я все равно боюсь. Изгонят? Но мне некуда идти, моя родина далеко и чтобы добраться до нее, мне надо много денег. И я давно гражданка России, вдруг у меня в Беларуси проблемы возникнут? Ненавижу ваши дикие обычаи! – в сердцах крикнула Ильмира и убежала.

После разговора с Заремой Ильмира внезапно почувствовала свое происхождение. В ней неожиданно проснулась и разыгралась православная кровь, а голову посетили греховные мысли, причем одинаково греховные с точки зрения обеих религий. Ильмире вдруг захотелось заполучить Александра, как она сделала это много лет назад с Ахметом, который стал ей теперь противен. Ближе к полуночи она осторожно выскользнула из-под одеяла и пробралась к выходу из дома. И стрелой помчалась к пещере, где ее обещали ждать.

Ильмира бежала снова без оглядки. Да, по правде говоря, ей было все равно, есть ли за ней погоня. Однако никто, кроме Заремы, в доме Рахмедовых не знал ее тайны.

Едва приблизившись к пещере, Ильмира увидела в ее утробе на стенах огненные блики: то Александр, ожидая ее, развел костер, чтобы к приходу Ильмиры как-то согреть холодное помещение. Ильмира вошла в пещеру и стала на пороге, улыбнулась.

– Салам алейкум! – радостно воскликнул Александр.

– Ва-а-лейкум ас-салям! – со смехом ответила Ильмира.

– Вот, решил погреть пещерное нутро, чтобы тебе не было холодно.

– Спасибо. – Ильмира подошла ближе и села рядом с парнем, от души поцеловала его в губы. Александр вдруг почувствовал тепло ее тела и ему почему-то стало очень приятно и легко, он сильнее прижался к губам Ильмиры. Руками тем временем жадно ласкал через одежду тело женщины, будто искал что-то...

Ильмира медленно отняла его руки и сняла с себя верхнюю часть одежды, выставила напоказ большую грудь. Затем встала и сняла длинную юбку. Взору Чернецова открылось ее тело в нижнем белье – впервые за много лет Ильмира обнажилась перед чужим мужчиной. Сашка оглядел фигуру Ильмиры с головы до ног и поразился: она была не только красива лицом, но и оставалась удивительно стройной – после шести-то родов, ни тебе никакого лишнего жира, ни целлюлита, высокая и крепкая грудь, которая призывно манила...

Ильмира не поняла и не помнила, как от души отдалась ему, но это был отчаянный секс, как будто в последний раз в жизни! Чернецов остановился только тогда, когда окончательно выдохся. Ильмира запросила еще.

– Больше не могу, – честно признался он. – Извини, дорогая.

– Спасибо. У меня никогда не было такого секса! С Ахметом мне многого не хватало.

– А я думал, он горячий южанин... Обычно они темпераментны...

– Я тоже так когда-то думала, но, оказалось, нет. С женами кавказцы сдержанны, а развлечений ищут на стороне. Да и к тому же Ахмет уже не молод. Но теперь мы будем развлекаться с тобой каждый день. Не понимаю, зачем он вообще требует меня к себе для плотских утех, если он сам ничего не умеет?

– А ты не рискуешь?

– Мне уже на все плевать с высокой колокольни. Я приняла решение. Я, оказывается, могу отказаться от ислама и перестать быть мусульманкой.

– Почему же не откажешься?

– И куда же я потом денусь? Добраться до Беларуси у меня нет средств, а здесь мне не будет жизни... Сашенька, я прошу тебя, спаси меня.

– Каким образом?

– Укради меня, чтоб никто не видел, и увези далеко, чтоб никто не нашел.

– А как же твой муж?

– Он может меня не покарать, а всего лишь прогнать, потому что по рождению я не мусульманка и ничем этой вере не обязана.

Ильмира поцеловала его:

– Только не забудь мне напомнить, чтобы я к рассвету вернулась: сегодня возвращается Ахмет, я должна его встре-

ТИТЬ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Освобождение

Мужа Ильмира встретила как честная жена.

– Я так соскучился по тебе, – сказал Ахмет, обнимая и целуя ее в отдельной комнате. – Ждала ли ты меня?

– Очень ждала. Просто спать ночами перестала, как истосковалась, – преданно ответила Ильмира.

– Я очень скучал. Поэтому сегодня ночью ты должна быть моей...

Одним словом, уже в первый же вечер муж запросил любви. Ильмира изобразила притворную радость, но на самом деле умело скрывала свое отвращение и к Ахмету, и к его ласкам. Она терпела лишь потому, что так было положено: всегда и во всем подчиняться мужу. Отказывать мужу она не имела права, поэтому в постели проявляла холодное равнодушие.

Когда Ахмет заснул, Ильмира покосилась на него злым взглядом... и прокляла тот день, когда встретила его, с ненавистью вспомнила об исламе. Потом уткнулась в подушку и заплакала.

Возвращение Ахмета никак не повлияло на отношения Ильмиры и Чернецова. Она все так же бегала к Сашке по ночам. Сначала ходила просто от скуки. Ходила тайком ото

всех, осторожно, с оглядкой, виделась с Александром по предварительной договоренности. Он всегда ее ждал.

В первую ночь Ильмира пришла к Александру в расстроенных чувствах и растерянных мыслях.

– Ахмет приехал... Теперь он тоже интима требует. Давно, говорит, было, соскучился уже... Не представляю, что делать, если он заставит ублажать его в те ночи, когда я должна быть с тобой.

– Тебе видней, – как-то отчужденно ответил Чернецов. – Он твой муж, ты могла бы научиться угадывать его желания.

– Саша, если я вдруг не приду однажды в срок – знай, что я с ним. Надеюсь, ты не станешь ревновать меня к собственному мужу?

Но она быстро нашла выход из положения. Ахмет не просил ежедневного секса, а если вдруг так совпадало, что ей предстояло любить мужа в ночь, отведенную для Сашки, она имела интимную близость два раза за ночь – по очереди с мужем, потом с любовником. При этом обязательно соблюдалась предельная осторожность.

Так постепенно их отношения развились в полноценный роман, в котором было лишь одно неудобство: Александр никуда не мог вывести свою даму сердца. А она приходила стабильно три раза в неделю, даже по пятницам, а к утру возвращалась.

Она успевала еще обратно лечь в постель к Ахмету, так что утром Ахмет обнаруживал жену там, где и оставил на-

кануне, – рядом с собой. Ахмет обычно крепко спал, просыпался лишь утром, а тогда Ильмира бывала уже в кровати, поэтому у Ахмета даже подозрений на неверность жены не возникало. Он и не предполагал, что по ночам его жена регулярно отсутствует, чтобы сладко провести время с другим мужчиной. Утром она недолго отсыпалась, а наличие множества женщин в доме прикрывало отсутствие в нем Ильмиры.

На очередную молитву Ильмира не явилась – не захотела.

– Где Ильмира? – строго спросил аксакал. – Почему ее нет?

– Она не очень здорова, просила не тревожить ее, – объяснила Рамина Салмановна. Ильмира предупредила свекровь, что плохо себя чувствует и не сможет быть на молитве. В общем-то, состояние здоровья, а точнее, нездоровья, являлось уважительной причиной, по которой верующий мог пропускать молитвы, пост и хадж.

– Тогда начнем без нее, – возвестил аксакал, и все семейство дружно прочло первую суру Корана – «Фатиху».

То, что Ильмира пропустила молитву, было связано не со здоровьем: это стало новым шагом на ее пути отступления от мусульманства.

В свои выходные дни Саша выбирался на служебной машине в Дербент, затаривался там в магазинах, а к ночи готовил ужин на костре. В этот день Ильмира пришла к нему в лагерь раньше обычного, Чернецов только-только закончил готовить ужин и разбирал кострище.

– Готовлю в первобытных условиях, огонь развожу посредством подручных средств, – горько жаловался он.

– А ты сходи в аул: у нас же есть и точки, и лавки, и магазины, поел бы там. Или ты думаешь, что в горах все безобразно и дико?

– Это привычка, – усмехнулся журналист. – У меня работа такая, что сегодня я в городе среди людей, а завтра окажусь, может, в какой-нибудь заброшенной пустыне или на необитаемом острове, где нет и в помине никаких следов жителя человеческого, но в таком месте придется жить долгое время. Ко всему надо уметь приспосабливаться. Что я и делаю. Я перед тобой хотел похвалиться своим холостяцким умением.

– Тебе это удалось. Что у тебя варится?

– Пловом хочу тебя порадовать.

Ильмира попробовала варево.

– Неплохо. Соли достаточно, мясо хорошо проварено. Только мы в плов еще изюм добавляем. Хотя это и не обязательно, я в следующий раз принесу.

– Ильмира, нам на неопределенное время придется прекратить наши свидания: нас послезавтра перебрасывают в Чечню – на замену военным корреспондентам. Я не знаю, когда вернусь. Как скажут...

– Жаль. У нас через неделю Навруз – мусульманский Новый год, я думала тебя пригласить, а ты бы пришел под видом прессы. Новый год – вкусный праздник, я сама его люблю.

– Что ж, наверно, не судьба...

– Да, наверно... А как Ахмет?

Она в недоумении посмотрела на него.

– С чего вдруг ты это спросил?

– Не знаю. Само как-то получилось...

– Ахмет отбыл на два дня в Дербент. Сначала не собирался, а тут вдруг резко сказал, что ему очень надо. Приедет завтра.

– Да-а... Это как в старом русском анекдоте: возвращается муж из командировки...

– Предположим, мне будет не до анекдота, если мои похождения, не дай бог, раскроются. Но я их не боюсь. Я приняла решение... – Она покосилась на палатку.

– Какое?

– А там скажу.

Они заползли в палатку и закрылись изнутри на «молнию».

– Я к тебе не за анекдотами сюда пришла! – нагло сообщила Ильмира, обвив цепкими пальцами его шею.

– Извини, Ильмира, – неожиданно выскользнул из ее объятий Александр, – я совсем сегодня не готов к близости.

– Почему? – она удивилась.

– Не могу объяснить. Встал, наверно, не с той ноги. У меня нет настроения.

Он и правда был каким-то чужим, Ильмира не узнавала его. Чужой и холодный, отверг ее, Ахметом интересовался...

Странный он сегодня, это точно.

– Какое решение ты приняла? – лениво спросил он.

– Я хочу уехать отсюда. С этой земли с ее дикими обычаями, из этой местности, из дома, в котором живу... Моя старшая дочь Гузель тоже мечтает вырваться из этого дикого края. Она выказала желание учиться, чтобы получить рабочую специальность. Для этого нужно ехать в Дербент или Махачкалу – в общем, в большой город, потому что в нашем краю твоя специальность никому не нужна. Если получится, то ей придется в городе и оставаться, чтобы работать. Саша, а увези ты меня отсюда. Укради, как раньше по местному обычаю полагалось...

– А мне ваш старейшина сказал, что лезгины невест уже давно не крадут...

– Да, не крадут. Сегодня многие народы отказались от этого обычая. Похищение невесты теперь приравнено к уголовному преступлению. Но это если официально. У меня другая ситуация...

– Но кавказцы – народ мстительный, чем это для меня обернется? Да и как тебя можно украсть?

– А я тебя научу...

– Научишь потом, теперь нет времени... Извини, я сегодня очень устал и хотел бы лечь отдохнуть пораньше. Когда я вернусь из Чечни, я тебя сам найду. Не скучай и не грусти. – Он легонько поцеловал ее на прощание.

В пятницу, святой для всех мусульман день, Ильмира рез-

ко проснулась оттого, что почувствовала сильную тошноту. Она подскочила с постели, как ужаленная, и побежала в ванную ее обильно рвало, рвота сопровождалась головокружением. Ильмира испугалась.

«Господи боже мой, аллах, что же это делается? Неужели будет седьмой? Чей он? Того ли, этого, белым или черным родится?» В том, что тошнота объяснялась только беременностью, она не сомневалась: как-никак, это уже в седьмой раз.

Ильмира решила скрывать беременность до тех пор, пока не появится животик. Что ей эта отсрочка давала, она не знала, да и время уходило: ребенок мог оказаться от другого мужчины, а тогда ей нужно будет бежать, чтобы остаться в живых, и потом уже можно просто не успеть...

Своим положением Ильмира по большому секрету поделилась лишь с Заремой.

– Я не могу знать об этом одна, мне тяжело... Я с тобой поделилась, как с женщиной, и хотелось бы, чтоб ты меня поняла.

– Вряд ли я тебя пойму, но никому не скажу. Кто отец ребенка?

Ильмира встрепенулась:

– Что значит «кто отец»? Ахмет!

– Поклянись пророком.

– Клянусь Магометом, – спокойно ответила Ильмира, нимало не теряясь от того, что это может быть и не так. Ведь

она твердо решила, что больше не будет жить в исламе, а постепенно вернется к православию, а потому пророк Магомет, основатель ислама, теперь ее не касался.

– Тогда почему ты ему рассказать не хочешь, если он отец?

– Ахмет задаст праздник, а я еще не совсем уверена...
Надо подождать несколько дней...

Мусульманский Новый год наступает в начале декабря. Первые десять дней Навруза считаются особенно благословенными. В канун Нового года принято готовить традиционный кускус с бараниной, а в меню праздничного обеда включать суп из баранины и блюда из мяса. Особое внимание придается зелени, потому что зеленый цвет у мусульман считается священным. В то время, когда все семейство Рахмедовых угощалось за праздничным столом, Ильмира предпочла остаться в комнате и не выходить за общий стол. Теперь она относилась с презрением к Наврузу.

После застолья Рамина Салмановна решила на разговор с Ахметом.

– Сынок, – сказала мать, – мне не нравится поведение твоей жены. Она стала пропускать молитвы, несколько раз я уже замечала, что она пытается снимать платок, а сейчас не вышла за общий стол, как будто это не ее праздник. Поговорил бы ты с ней, узнал бы, в чем дело. Что с ней случилось?

– Хорошо, мама, я с ней поговорю.

Ахмет сразу же пошел в гарем и нашел Ильмиру лежащей

на кровати.

– Дорогая моя, что ты здесь делаешь? Почему оставила меня одного?

Здесь, где муж был ее господином и защитить ее было некому, Ильмира не отважилась соврать ему.

– Ахмет, у меня будет новый ребенок, – тихо вымолвила она. – Мне нехорошо, поэтому я не могу быть за столом.

И в седьмой раз Ахмет обрадовался, как мальчишка. Прямо сейчас же он готовился объявить это всем и задать шумный праздник.

– О аллах, как он меня любит! – шевелила губами Ильмира и это на самом деле было так.

– И по этой причине ты пропускаешь молитвы?

– Да.

– А платок почему не хочешь носить? Тебя, говорят, уже не один раз замечали, что ты пыталась его снять.

– Я исправлюсь, Ахмет, обещаю. Я больше не буду так делать.

Утром Ильмира спросила у Заремы, как ей быть.

– Я хочу все рассказать Ахмету, – решительно сказала она.

– Аллах... Он же тебя убьет!

– Муж мой господин, я перед ним виновата... Я не скажу ему всей правды.

– То есть...

– Я скажу, что изменила ему всего один раз.

– Это неважно: он вправе тебя убить.

– Я знаю. Но я перед ним виновата, – повторила Ильмира. Но признаться во всем у нее не хватило смелости. Однако, пользуясь случаем, она спросила:

– Ахмет, а ваш мужчина может убить горячо любимую им женщину? (За годы жизни на Кавказе ей так и не довелось стать свидетелем того, как это возможно. Местные женщины все были верны и покорны).

– Может и не убивать. Но тогда он должен скрывать ее неверность ото всех, ибо навлечет на себя позор. И обязан будет убить ее по закону гор, во имя чести рода...

Чернецов не врал Ильмире, когда сказал, что уезжает в Чечню. На третий день после их последней встречи она пришла в палаточный лагерь и не обнаружила их на месте. А вот об их возвращении Ильмира узнала случайно: гуляя во дворе с младшими детьми – Мусой и Джамилей, она снова, как когда-то, увидела машину прессы, промчавшуюся мимо их дома.

Тогда Ильмира позвала Гульнару, подала ей сложенную аккуратным квадратиком записку и объяснила, куда ее надо отнести. Но на указанном месте Гульнара нашла только их водителя, рыбачившего на берегу Самура. Девочка подошла к нему сзади и легонько тронула за плечо.

– Дяденька, это вам, – она протянула записку и немедленно ушла. Обалдевший мужик даже не сообразил окликнуть девочку. А когда она скрылась из глаз, развернул записку и прочитал:

«Сашенька, – писала осторожным почерком женщина, – надо срочно увидеться: есть очень важное дело. Найди способ встретиться, имея в виду мое положение. Сама я пока ничего не могу предпринять, потому что вернулся Ахмет. Пока.

Целую и люблю
Ильмира».

Получив записку, Чернецов рассердился:

– Когда она оставит меня в покое, в конце-то концов? Что ей надо? Вот как мне ее увидеть? Хоть бы написала...

– А ты вызови ее на интервью... Ну, скажи, например, что программу готовишь... – подсказал Кустодиев.

– Да, а потом программа просто не выйдет в эфир... Интересно, что у нее там такое случилось? Похоже, дело и правда серьезное, если записку дочка принесла... Вася! – окликнул он водителя, – а девочка ничего про ответ не говорила?

– Говорю же: она немедленно ушла, будто исчезла.

– Понятно. Ну что, Боря, давай собираться... Сходим, узнаем. Но если дело пустяковое – вот так, кажется, своими руками удушу... – Сашка сжал кулаки.

Он пришел в дом Рахмедовых и сообщил, что ему из Москвы дали указание сделать репортаж о дагестанских женщинах. Именно о женщинах: об их хозяйственной деятельности, о материнской доле. Для передачи требовалась одна женщина от семьи...

– Ахмет Шамилевич, не позволите ли вы мне побеседо-

вать с вашей женой? – лично к Ахмету обратился Чернецов. – Помните, как-то раз я был у вас в гостях, беседовал с Ильмирой Владимировной и остался очень доволен нашим разговором.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.